

ВЛАДИМИР ВИЛЕНОВИЧ
ЛИШТВАНОВ

Жизнь прожить — не поле перейти – 1

ДЕДЫ. КНИГА I

Владимир Лиштванов

**Жизнь прожить – не поле
перейти – 1. Деды. Книга I**

«Издательские решения»

Лиштванов В. В.

Жизнь прожить – не поле перейти – 1. Деды. Книга I /
В. В. Лиштванов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-743845-6

Можно изучать историю по тщательно отрецензированным лекциям и учебникам, можно по кинохроникам и вырезкам из старых газет, однако для полного «погружения» в историческую эпоху лучше всего проследить за судьбами современников. Такие истории врезаются в память, потому что несут сильный психологический заряд. Предлагаемая Вашему вниманию семейная эпопея трёх поколений людей как раз из таких. Первая книга охватывает период с 1911г. по 1938г.

ISBN 978-5-44-743845-6

© Лиштванов В. В.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	11
Глава третья	15
Глава четвёртая	22
Глава пятая	27
Глава шестая	32
Глава седьмая	37
Глава восьмая	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Жизнь прожить – не поле перейти – 1 Деды. Книга I

Владимир Виленович Лиштванов

© Владимир Виленович Лиштванов, 2018

ISBN 978-5-4474-3845-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

После масленицы, в первую неделю Великого поста Ефим наконец собрался сообщить домашним о принятом решении. Он долго колебался, мучительно искал выход, казалось, из безвыходного положения. Наконец, он пришел к единственно правильному, с его точки зрения, решению.

Пожинав, когда домашние уже насытились и готовы были встать из-за стола, Ефим обратился к отцу:

– Отец, – начал Ефим, слегка волнуясь, – я решил идти работать в уезд на железную дорогу.

– Кем же ты хочешь стать? – мастера самокрутку спокойно спросил Семён Петрович.

Спокойствие отца приободрило Ефима, и он уже более уверенно продолжил:

– Вначале кем возьмут, а потом, малость подучусь, стану кондуктором, а может и машинистом.

Отец сунул в рот самокрутку, зажег спичку и прикурил. Несколько минут в комнате висело тяжелое, томительное молчание. Ефим притих, в ожидании ответа, и лишь украдкой поглядывал на отца.

Семён Петрович устало оперся натруженной рукой о край стола, молча, попыхивал самокруткой, обдумывая слова сына.

Клубы белёсого дыма тревожно вырывались изо рта, медленно поднимаясь к потолку.

Подумать отцу было о чём.

Ефим был у него первородным, главным помощником в крестьянском хозяйстве.

Парню в этом году должно исполниться восемнадцать лет. Ему скоро пора будет обзаводиться отдельным хозяйством, а там гляди, и семьёй.

Семёну Петровичу очень хотелось, чтоб старший сын был рядом. Он ещё не был стар, но хозяйство было крепким, хоть и земли мало. Если какая нужда, то можно, опереться на сына в любую минуту. Ефим мог подсобить, а то и выполнить какую работу за отца.

Но неволить старшего сына не хотелось.

Год назад Ефим уже уходил работать на Льговский сахарный завод чернорабочим, но проработав несколько месяцев, вернулся домой, и вот опять надумал уйти на сторону.

После долгих размышлений, Семён Петрович решил не отговаривать сына.

– Это дело, – проговорил он степенно, после томительного молчания, – но кто тебя возьмёт на станцию?

– Я уже с Колюхой – соседом сговорился. Он во Льгове работает машинистом, и меня обещал устроить, как земляка.

– Выходит землёй – кормилицей не хочешь заниматься?

– Я бы рад, да наше безземелье уже поперёк горла стало.

– Мужики на сходе разговор вели, что многие вышли из общины в чересполосное укрепление.

– Ну и шо хорошего? Вон, Митрофана Фролова отец, два года назад вышел в чересполосное укрепление. Дали ему четырнадцать десятин земли, а у него кроме Митрофана, ещё двенадцать душ детей, да он с бабой, да его родители. Едва хватает урожая прокормить всех.

Так это в последние два года, а они ведь были у нас урожайными, но не дай Бог засуха, или дождями зальёт, так он может легко разориться, и пойти с сумой по миру.

– Правда твоя, но ведь можно уйти на хутора, или отруба.

– Здесь тоже не всё так просто. Хорошо, если будет большой отруб, расположенный как в низине, так и на возвышенности. Тогда получишь всегда хоть и малый, но урожай. А вон, еже ли сделают как в соседней деревне. Так ведь тоже будет тяжело прокормиться.

– Да, у них кажись, одним дали отруба только по взгоркам, а другим – в низинах.

– Во – во, у них в засушливый год с голоду пухнут те, кто отруб имел на взгорке, а в дождливый год разоряются те, кто имел отруб в низине.

– Знамо дело, иметь полосы в разных частях общественного надела куда сподручней. Можно обеспечить семью ежегодным маломальским урожаем. Ведь в засушливый год вырубали нас полосы в низинах, а в дождливый год – на взгорках. Но наш староста говорит, шо уездные господа требуют разбивку на отруба для всей деревни, иначе грозятся расправой и другими карами небесными.

– Энто они нас пугают, на то они и господа, готовые семь шкур содрать с бедного крестьянина. Хотя чем черт не шутит, когда Бог спит.

– Так может, пойдешь в ученики к дядьке на мельницу? Ты ж знаешь, у него добротная мельница на речке имеется. Быть мельником, тоже нужное дело.

– Нет, я не спорю, мельничье дело – хорошая работа, но жить за счет тех, кто мелет зерно, это не по мне. Уж лучше мне податься на железную дорогу. Все, какую копейку заработаю, да и вам будет подмога.

– Когда ж ты намерен двинуться в путь?

– Колюха завтра звал на заре, он как раз идёт утром на смену.

– Тогда в добрый путь и да храни тебя Бог.

На том и порешили. Ефим довольный, что получил благословение отца, отправился спать.

Семен Петрович ещё долго сидел за столом, мурыжа давно потухшую самокрутку во рту. В душе всё спора с самим собой, правильно ли поступил, согласившись с доводами сына.

Рано утром Ефим уже был на ногах. Он быстро собрался и вышел из избы.

Робкий рассвет только собирался пробираться сквозь морозную мглу наступающего раннего утра. Неясные очертания соседних изб угадывались вдоль темной, ещё спящей улицы. Замёрзший за ночь ручеек внешней воды звонко хрустел разламывающимися льдинками под ногами.

Весна 1911 года выдалась холодной и затяжной. Ночью ещё злились морозы, не давая земле скинуть надоевший за долгую зимнюю стужу покров. Днём же солнце слегка припекало, стараясь растопить остатки старого, давно почерневшего снега. Природа ждала обновления.

Едва Ефим подошел к ветхой, низкой избе Николая Сероштанова, покрытой позапрошлогодней соломой, как от покосившейся калитки отделился темный силуэт мужика.

– Ефим, ты не чай? – спросил силуэт.

– А то кто? – с удивлением в голосе переспросил Ефим.

– Я уже собрался один уходить.

– Не Колюха, – обиженно проговорил Ефим, – я слово держу крепко. Раз решил идти с тобой, то назад оглоблями не поворачиваю.

– Вот и хорошо, – обрадовано подытожил Николай, – мне всё сподручней будет, да и там, знамо дело, веселей с земляком быть.

– Вот только сомнение у меня. Ты давеча сказывал, шо точно возьмут в Депо работать. А вдруг не возьмут?

– Не сумлевайся, мне сам господин Белохвостов обещался, а он хоть из господ, но слово держать умеет.

– Это хорошо, а то я уже домашним успел сказать, шо буду на железной дороге работать.

– А ане шо?

– Отец не очень был доволен, но благословение дал.

– Вот видишь, назад пятками уже нельзя, надо идти до последнего.

– И я так разумею.

Так разговаривая между собой, молодые люди быстро, дошли до железнодорожной станции. Дорога оказалась значительно короче, чем когда они ходили по ней в одиночку.

Около здания правления Депо Брянск – Льгов, Донецкой железной дороги они остановились.

– Погодь малёха, – сказал Николай, – я гляну, туточки господин Белохвостов, аль нет.

Николай отлучился на некоторое время, но вскоре вернулся.

– Пошли, – сказал он, – их благородие на месте.

Молодые люди вошли в здание, прошли немного коридором и завернули за угол.

Николай остановился у одной из многочисленных дверей, постучал в неё и робко приоткрыл.

– Ваше благородие, – подобострастно сказал он кому – то, куда – то вглубь комнаты, – дозволейте зайти?

Ефим не расслышал ответа, но Николай кивнул ему:

– Пошли!

Ефим сдёрнул с головы шапку и сжал в кулаке, сразу вспотевшем от сильного волнения. После этого он нерешительно последовал за Николаем.

Они вошли в просторную комнату. Около дальней стены разместился стол, за которым сидел представительный господин средних лет в шинели железнодорожника, над столом висел портрет царя – батюшки Николая II, вдоль других стен стояло несколько стульев.

– Вот, ваше благородие, – начал заискивающе говорить Николай, – мой земляк – односельчанин, о котором говорил я вам давеча.

– А, помню, – проговорил господин и, обращаясь к Ефиму, спросил, – Как звать?

– Ефим Ливанов, ваше благородие, – ответил Ефим, слегка тушуясь.

– Сколько же тебе лет Ливанов? – продолжил расспросы господин.

– Восемнадцать, – ответил Ефим, – но затем, немного замаявшись, добавил, – на среду третьей недели Великого поста будет.

– Грамоту знаешь?

– Да, обучены мы.

– Уже где работал?

– На Льговском сахарном заводе.

– Кем?

– Рабочим.

– Где же у нас ты хочешь работать?

– Где прикажите, ваше благородие, но хотелось бы ближе к паровозам.

– Почему?

– Да уж больно мне паровозы нравятся, – искренне ответил Ефим.

– Что ж, пожалуй, мы тебя возьмем, для начала смазчиком вагонов, – задумчиво сказал господин и, обращаясь к Николаю, добавил, – введи его в курс дела.

– Благодарствуем, ваше благородие, – в один голос проговорили Николай с Ефимом и попятились к двери.

Ефим ни сколько не лукавил, говоря, что любит поезда. Ещё в детстве, однажды летом, отец взял его на станцию в уездный город, – посадил Ефима на сено в телегу, сел сам и они поехали.

От сена веял пьянящий, забористый дух степного разнотравья.

Ефим прикрыл глаза и стал с великим наслаждением вдыхать этот запах. От размеренного покачивания и ласково припекающего солнца Ефим заснул, а проснулся оттого, что они остановились.

Отец держал голову мерина под уздцы, а сбоку, пыхтя и отдуваясь, в клубах белого пара медленно двигалось огромное существо черного цвета. Мерин от испуга пытался вырваться и крутил головой, закусив удила, но отец крепко схватил голову, не отпуская.

Живое, неведомое существо, важно проплыло мимо замороженного Ефима, окутав его облаком пара, по каким-то жердям и скрылось за поворотом.

– Батя, шо это было? – с удивлением и испугом проговорил Ефим.

– Это паровоз, машина такая, – ответил отец, садясь снова в телегу и трогаясь с места.

– А шо за жерди, по которым он шел?

– Это не жерди, а рельсы. Паровозы ходят по рельсам.

С того дня Ефим тайно влюбился в паровозы, мечтая, что когда вырастет, обязательно будет управлять этими чудо – машинами.

Когда он немного подрос, у него даже сложилось четверостишие, посвященное паровозу:

Паровоз железный мчится,
Дым клубится из трубы.
Он как огненная птица
Пролетает по степи.

(В. Лиштванов)

Уже на следующий день Ефим приступил к выполнению непосредственных обязанностей смазчика вагонов. Работа была трудной, особенно в холодные и дождливые дни. Не всё сразу получалось, но Ефим всё выполнял добросовестно, стараясь четко следовать указаниям бригадира смены.

Через год, тоже по протекции Николая, Ефима перевели в кондукторы. Но на этом он не думал останавливаться, Ефим хотел стать машинистом.

Новая работа была значительно легче предыдущей, и он стал быстро с ней справляться, а через месяц – другой, уже начал прилично разбираться в новых обязанностях. У него выдавалось достаточно времени для отдыха во время поездки. Ефим часто проводил его в будке машиниста. Вот и сейчас он там ехал, а душа ликовала, от открывавшихся перед ним красот природы.

Мимо проплывали в пленительном величии поля и луга. Пригорки и долины ласкали взгляд весенним разнотравьем. Отдельные деревья и рожицы уже покрылись молодой листвой, ласково маня заглянуть под раскидистую тень.

Ефим наслаждался необъятными просторами Родины и на ум пришли только что сочиненные несколько строк:

Широка и привольна ты Россия моя,
Я люблю твои веси, леса и поля.

Ты прекрасна своею суровой красой,
И я рад, что могу любоваться тобой.

(В. Лиштваков)

Но вскоре мысли переключились на более прозаичное и обыденное, вернув к реалиям жизни.

Ему страшно захотелось напиться воды. Съеденная утром селёдка явно начинала давать о себе знать организму. Ефим хотел взять кружку, что бы налить воды из питьевого бака, но кружки нигде не было. Он поискал вокруг, но она как сквозь землю провалилась.

– Колюха, – обратился он к Николаю, – ты не видал моей кружки?

– Да ты шо? – ехидно улыбаясь, ответил Николай, – я её нигде не видал. Мобудь забыл ты где?

– Она ж туточки была, – растерянно проговорил Ефим.

– Мовет быть и была, а мовет и нет.

– А ты её случайно не спрятал? – подозрительно продолжал допытываться Ефим.

– Да ты шо? Да разве ж я позволю? Ей Богу не брал, вот те крест, – осенив себя крестом, с серьёзным видом, проговорил Николай, но в глазах его играли весёлые бесенята.

Ефим поискал кружку ещё некоторое время в тесной будке машиниста, но нигде не мог найти.

Жажда охватывала его всё сильнее и сильнее. Уже мочи не было терпеть, пить хотелось неимоверно.

Без кружки нельзя было залезть в питьевой бак, а больше воды нигде не было.

Надо дожидаться ближайшей станции, там можно будет напиться воды. Но до ближайшей станции ещё часов пять езды.

Вдруг Ефим вспомнил про кран, через который заливали воду в паровоз. Он был снаружи, но можно было попробовать добраться до него.

Недолго думая, Ефим на полном ходу поезда, высунулся из будки машиниста и попытался дотянуться до нужного крана.

С первой попытки это не получилось. Лишь изловчившись, удалось достать до вожделенного крана и открыть его. Он стал жадно пить тепловатую воду, каждую секунду рискуя попасть, под бешено вращающиеся около головы огромные колёса паровоза.

Глава вторая

В конце июля 1914 года, после дальней поездки, Ефим возвращался домой, в село Верхняя Груня, Износковской волости, Льговского уезда, Курской губернии.

Жаркое летнее солнце уже клонилось к закату, но духота ещё не спала. Легкий ветерок приятно обдувал уставшее, но довольное лицо. Мысли Ефима были уже дома.

Он представлял, как вечером выйдет на улицу, встретится с друзьями, оставшимися в селе, а может, увидит и Дуняшу, дочь соседа, которая нанялась к какому-то купцу в прислуги в Курске.

Намедни – она обещалась обязательно приехать к родителям погостить.

Ефиму нравилась эта работящая и симпатичная девушка, да и она отвечала взаимностью.

Вскоре его нагнал возница на лошади с телегой.

– Здоров Ефим, – поравнявшись с путником, проговорил возница, остановив лошадь.

Это был Фролов Митрофан, односельчанин Ефима.

– Здоров Митрофан, – ответил Ефим.

– Ты домой направляешься?

– Да.

– Садись, подвезу.

Ефим забрался в телегу и поудобней устроился на душистом сене.

Сено было свежескошено. От него шёл чудесный аромат луговых трав. Пахло горьковато-сладким донником и слащавой медуницей, терпкой душицей и горьковатой полынью.

Митрофан стеганул лошадь и они, тронулись в путь.

– Был сёдне в уезде, так там сказывали, шо германец на нас войной прёт, – озабоченно начал разговор Митрофан.

– Да, – подтвердил Ефим, – уже начали призывать в армию, мобилизация называется.

– Так сказывают, шо силища у него неимоверная.

– Но мы ж тоже не лыком шиты и не лаптем щи хлебаем, осилим супостата.

– И то верно, Рассея огромная. Нас много. Мы ж его просто шапками моём закидать.

– Эко куда хватил: «шапками». Супостата принижать не стоит. Раз полез на нас, значит, силу чувствует. Но всё равно, нашей берёзовой каши он ещё отведаст. Энто, как пить дать.

– Знамо дело мы его одолеем. Хотя ты вряд ли попадёшь в армию.

– Это ещё почему? – удивлённо, с обидой в голосе, спросил Ефим.

– Сказывали, шо старших сыновей в семье не призывают, а ты ведь старший в семье.

От такой новости Ефим даже опешил, это в его планы совершенно не входило. Он уже собрался идти в армию защищать Родину, а тут вот тебе какая незадача.

Да и что скажут сельские мужики, да бабы? «Здоровый бугай прячется за бабью юбку, да греет задницу на печке. Ходит по селу, сипом виляет» – так, поди, и скажут. Это ж срам то какой получается.

– Вот ещё! Ну и шо, шо я старший? Так шо получается: все наши мужики будут воевать, а я на печке сидеть, да за бабий подол хорониться! Так шо ли получается? Не, я не согласен! Я же не увечный, какой, али пришибленный, чтобы во время войны с супостатом, дома хорониться. Я тоже желаю защищать родную землю!

– Да ты не рви сердце, – стал утешать Митрофан, – дома ведь то же дел много. Кто ж будет хлеб растить для той же армии? Вот ты и будешь работать для общей победы над врагом.

– Тебе хорошо рассуждать, тебя ведь должны взять, – удрученно проговорил Ефим.

– Была б моя воля, я бы и не пошёл. Ведь там и убить могут, а мне ещё пожить трошки охота.

– Как ты можешь такое говорить, когда супостат прёт на нашу землю? – возмутился Ефим.

– А шо я, шо я? – заюлил Митрофан, – Я человек маленький, мне шо скажут, то я и буду делать.

– Надо ж и самому башкой кумекать.

– Пушай господа кумекают, на то они и поставлены, да вуниверситеты заканчивали, что б кумекать, а наше дело десятое: сполняй, шо велют и баста.

– Зря ты так рассуждаешь, – начинал сердиться Ефим.

– Как могу, так и говорю, – зло ответил Митрофан и замолчал, хмуро уставившись на дорогу.

На этом их разговор прервался, и остаток пути проехали в полном молчании, сердясь друг на друга.

Прибыв в село, молча разошлись по избам, крайне недовольные друг другом.

В горнице Ефим столкнулся с отцом.

– Молодец Фима, вовремя приехал, – сказал озабоченно отец, – с Ванькой успеешь попрощаться, а то его завтра в армию забирают.

– А как же меня?

– Про тебя мне неведомо. Хошь, иди в волость, сам разбирайся.

– Обязательно пойду, – согласился Ефим, твёрдо решив, что если не призовут в армию, то добровольно пойдёт на фронт, драться с ворогом.

– Тогда иди, – зная, что первенцев пока не забирают и на призывном пункте ему дадут от ворот поворот, проговорил отец – Фроська вечереть соберёт, а завтра утром, с божьей помощью сходишь с Ванькой на призывной пункт и разузнаешь шо к чему.

Ефим вошел в комнату. Сестра Фрося слыша, что старший брат приехал домой, уже поставила на стол миску окрошки с квасом.

Мать у них умерла, когда Ефиму едва исполнилось четырнадцать, и теперь за хозяйку в доме хлопотала сестра. Ефим сел за стол, взял деревянную ложку и стал степенно есть, а насытившись, отправился спать.

Встав спозаранку, Ефим застал Ивана, среднего брата, за сборами на призывной пункт. Собравшись, братья вышли на улицу, и завернули к околице, направляясь в село Износково.

Вскоре их нагнало ещё с десятков односельчан, вызванных на мобилизацию. Идти сразу стало веселей и дорога, показалась не такой длинной.

Около призывного пункта уже столпилось много молодых и не очень крестьян из ближайших сёл и деревень. Стоял монотонный гул голосов, вносящий тревогу и неопределённость.

Время тянулось томительно долго, но вот вышел молодой фельдфебель и стал по списку выкликать по одному из прибывших крестьян и уводить в помещение.

Ефим предложил Ивану, что он пойдёт в армию вместо брата. Иван немного колебался, но потом согласился.

Когда выкликнули Ивана, Ефим обратился к фельдфебелю:

– Господин фельдфебель, я хотел бы узнать, нельзя ли меня призвать в армию вместо среднего брата?

– Это надо спросить у господина прапорщика.

– А как это сделать?

– Следуй за мной, – сказал фельдфебель и вошел внутрь помещения.

Ефим пошел за ним. Вскоре они подошли к двери нужного кабинета.

– Жди меня тут, – властно проговорил фельдфебель и вошел в комнату.

Через несколько минут он вышел и небрежно проронил:

– Проходи.

Ефим неуверенно зашёл. Посредине кабинета стоял стол, за ним сидел прапорщик, листающий какие – то бумаги.

– Фамилия? – грозно проговорил прапорщик.

– Ливанов, – ответил Ефим.

– Иван?

– Ни как нет, Ефим.

– Зачем пришёл?

– Ваше благородие, я хотел бы пойти в армию вместо среднего брата Ивана, а то срам получается: старший брат будет на печке сидеть, а средний будет воевать.

– А ты что, старший из сыновей в семье?

– Так точно ваше благородие.

– Старших сыновей из семей мы пока не призываем.

– Вот и я говорю, что не справедливо так. Идёт война с ворогом, она может скоро закончиться, а я на неё не попаду.

– Не бойся, на твой век хватит. Но если желаешь, – немного подумав, сказал прапорщик, – можешь идти воевать вместо брата.

– При много вам благодарен, ваше благородие.

– Фельдфебель! Сделай замену в списках! Скажешь в канцелярии, что это я приказал, – скомандовал прапорщик явившемуся на зов фельдфебелю.

После выполнения всех формальностей, Ефим остался на призывном пункте, а Иван отправился домой.

Поздно вечером, после освидетельствования врачами, всех мобилизованных построили в четыре шеренги, и повели на железнодорожную станцию, где уже стоял пустой состав.

Новобранцев оказалось много, и вагоны были заполнены полностью. После того, как все погрузились, воинский эшелон простоял ещё некоторое время и только затем, как бы с неохотой, медленно тронулся в путь. Всё убыстряя и убыстряя с каждой минутой ход, унося Ефима и всех остальных от отчего дома, от родных и близких, в неведомую суровую даль.

Несколько часов Ефим с новыми товарищами трясся в прокуренном вагоне, а потом они прибыли на большую железнодорожную станцию губернского города Курска.

Их высадили из эшелона и расположили в казармах запасного полка, где предстояло освоить первые навыки военного искусства.

На следующее утро всех новобранцев распределили по ротам и взводам. Ефим попал во взвод вместе с Фроловым Митрофаном, которому так и не удалось отвиться от призыва. Митрофан был крайне удручён таким событием, но делать было нечего и он, старался подчиниться судьбе. Остальные односельчане попали в другие роты и взвода.

В тот же день новобранцев начали обучать построению, маршировке и винтовочным приёмам.

Особенно тяжело им доставалось на маршировке. Не все могли, с первого раза четко выполнять полученные приказы и это, приводило в бешенство взводного.

– Что ты как брюхатая баба раскорячился, ядрён твою кудель! – зло распекал он нерадивого новобранца, – я тебе чётко подал команду! А ты что творишь?

Новобранец хлопал глазами, краснел, как девица и потупившись, молчал от смущения.

Но особенно доставалось Филиппу Курочкину, по прозвищу «Курица», из соседней деревни. Он был очень невнимательным и когда командовали налево, он поворачивался направо, а когда же была команда направо, он поворачивался налево.

– Что ты, деревня, ядрён твою кудель, не знаешь где право, а где лево? – орал, сильно покраснев от натуги, взводный, – Где у тебя левая рука?

– Туточки, – говорил Курица и показывал правую руку.

– Какая ж она левая рука, ядрён твою кудель, – ещё пуще злился взводный, – это правая рука, а левая другая.

– Виноват, – огорчённо говорил Курица.

– Эх ты, деревня, привяжи к правой руке сено, а к левой – солому и вспоминай о них, когда будешь слышать соответствующие команды.

Но это мало помогло Курице, и он продолжал путать, лево и право.

Много нареканий получали новобранцы при изучении рукопашного боя при штыковой атаке.

Приёмы владения штыком они оттачивали на соломенных чучелах и опять, доставалось от взводного Курице, который никак не мог проткнуть чучело штыком.

– Ну, как ты колешь, как колешь, ядрён твою кудель, – орал взводный, – Чё, ты с ним возишься, как с писаной торбой? Это ж не писаная торба, и не баба, с которой ты собрался якшаться, а твой враг! Если не ты первый его заколешь, то он тебя заколет и, можно будет отпевать тебя, а тебе надобно живым остаться, чтобы дальше воевать с ворогом.

– Виноват, – повторял Курица всякий раз и вскоре снова допускал оплошности.

У Ефима тоже не всё сразу получалось. Как и многим, ему иногда доставалось от взводного, но Ефим старался добросовестно постигать воинские премудрости и вскоре преуспел в этом.

Учёба шла своим чередом, неделя сменялась неделей и наконец, настал день, когда новобранцы присягнули Царю – батюшке и стали солдатами Русской Армии.

После этого учеба продолжилась в усиленном темпе.

Лишь в середине сентября им сообщили, что они направляются на фронт в действующую армию.

В назначенное время их подняли по тревоге, построили повзводно, и повели на железнодорожную станцию.

На путях уже поджидал воинский эшелон. Их взвод и ещё несколько взводов роты поместили в один вагон, вскоре погрузились в эшелон и все остальные.

Состав постоял ещё некоторое время, как бы прощаясь с мирной жизнью тылового города, стараясь надолго запомнить, эти последние картины мира, и медленно двинулся на запад, на войну.

Глава третья

Известие о начале войны Григорий Иванович Михеев, купец первой гильдии, получил из газеты. В ней сообщалось, что в шесть часов вечера 18 июля 1914 года германский посол граф Пурталес посетил в Санкт-Петербурге министра иностранных дел С. Д. Сазонова и сообщил, что по решению его правительства с полуночи Германия находится в состоянии войны с Российской империей.

Эта новость сильно встревожила, Григория Ивановича.

Он грузно сел в кресло и задумался. Начало войны может много изменить не только в его судьбе, в судьбе близких, но и в судьбе всей империи.

Спустя час, как Григорий Иванович прочёл эту новость, приехал его друг и компаньон Филиппов Фрол Афанасьевич, держа в руке свежий номер газеты.

– Григорий Иванович, – начал уже с порога взволнованный Фрол Афанасьевич, – ты читал свежий номер газеты? Война началась!

– Да, читал, – ответил Григорий Иванович.

– Ну и что ты скажешь на это?

– А что сказать? Война уже давно зрела в Европе, но я не ожидал, что она начнётся так скоро.

– Я тоже. Но это даже хорошо, что мы будем воевать с Германией. Давно пора приструнить их! А то, поди ж, всюду у нас немцы. Куда ни кинь, на немца попадешь. В промышленности – немцы, в торговле – немцы, я уж не говорю о медицине и образовании, где их собралась тьма тьмущая, хоть пруд ими пруди.

– Ты совершенно прав! Это ж слуханное ли дело? Германия завладела почти половиной нашей торговли. Прав социалист – революционер Огановский, говоря, что Россия принимает черты германской колонии.

– Ну, это он, пожалуй, сильно сгустил краски.

– В том-то и дело, что не сгустил. Вон и в резолюции Союза южных российских экспертов указывается, что Россия должна освободить себя от экономической зависимости от Германии, которая унижает её как великую державу.

– Я что-то не слышал об этой резолюции.

– Как же, как же, о ней писали в «Биржевых ведомостях» ещё в марте сего года.

– Значит, я пропустил это сообщение. Но что же теперь будет?

– То-то ж и оно, что может многое произойти.

– Ну, немца мы быстро осилим.

– В этом нет сомнения. У меня есть знакомый в военном ведомстве, так он говорил по большому секрету, что у нас всего достаточно для ведения этой компании: и оружия, и боеприпасов, и обмундирования, и провианта, и фуража.

– Ещё б не хватало провианта! Только мы с тобой поставляем для армии несколько тысяч пудов в год. А сколько таких купцов по всей империи?

– Да, всего достаточно, да и людских ресурсов у нас много, так что немца мы должны одолеть и чем быстрее, тем лучше. Но что-то мы с тобой увлеклись разговором. Может чайку? У меня, Фрол Афанасьевич, есть превосходный английский чай, его мне недавно специально из Вест-Индии привезли. Он ни чем не уступает нашему Иван-чаю.

– Благодарствую, Григорий Иванович, с превеликим удовольствием откушаю чаю.

– Дуня! Дуня! – громко позвал горничную Григорий Иванович.

В комнату вошла скромно одетая, стройная, миловидная девушка, горничная Дуня.

– Дуня,образи-ка ты нам чайку.

Через несколько минут Дуня принесла горячий самовар с заварочным чайником и поставила на стол. Поставила сахарницу с кусочками сахара, два чайных блюдца, положила перед гостем и хозяином по чайной ложке, затем поставила по чашке чаю перед ними и вышла из комнаты.

– Отведай Фрол Афанасьевич настоящего английского чая. Наша Дуня его специально по английской методе заваривает.

– Откуда она их методу знает? Ведь явно Дуня из нашей губернии, из деревни, а в наших деревнях, англичан отродясь не бывало.

– Так это ж я её научил. Меня научил один английский купец, а я научил Дуню, вот теперь она и заваривает чай по всем правилам.

Над чашкой поднимался лёгкий пар, разнося по комнате своеобразный, но приятный аромат напитка.

Фрол Афанасьевич наклонился над чашкой и стал вдыхать, наслаждаясь непривычным запахом.

– Очень недурно пахнет, – отметил он.

– А ты отведай, отведай его, – потчевал гостя Григорий Иванович.

– Да, – проговорил Фрол Афанасьевич, отхлебнув немного напитка и почувствовав приятный, слегка вяжущий вкус чая, – отменный напиток, отменный.

– А я что говорил! Его пить – одно наслаждение. Ты вот ещё сахарку кусочек, другой возьми, попробуй в прикусочку. Это тебе лучше позволит, оценить сей напиток.

Фрол Афанасьевич, расколол сахар специальными щипчиками и маленький кусочек положил в рот, запивая чаем.

– Да, божественный напиток, – проговорил он, – действительно, сей чай ничем не уступает Иван-чаю, а аромат, пожалуй, лучше.

– Вот видишь, я, что зря тебе предлагать не буду, – самодовольно проговорил Григорий Иванович, продолжая с наслаждением прихлёбывать заморский напиток, – пожалуй, скоро англичане перестанут закупать у нас Иван-чай, а перейдут на чай из колоний.

– Вряд ли, наш чай закупается многими странами. Да и пользы человеку от него много. Он силу, бодрость и здоровье даёт, а английский чай, ещё неизвестно какую пользу несёт.

– Это верно. Наш чай очень полезен человеку, особенно мужеского пола. От него вряд ли кто откажется.

Компаньоны прервали разговор и сосредоточенно начали наслаждаться чаем, погрузившись каждый в свои думы.

– Меня вот что тревожит, – после некоторого молчания проговорил Григорий Иванович, – как бы война с немцами не повлияла на устои монархии.

– Монархия сама себя дискредитирует, – задумчиво проговорил Фрол Афанасьевич, – виданное ли дело, что б какой-то безграмотный мужик давал советы царственной особе.

– Да, – подхватил Григорий Иванович, – мне знакомый из военного ведомства тоже, что-то об этом сказывал. Это уж, совсем ни в какие ворота не лезет, совсем осквернили святую Русь.

– Поэтому чего удивляться, что все не довольны этим.

– Да ещё, вон пишут в газетах, опять бастуют рабочие в Петербурге и Москве.

– А этих я вообще не понимаю. Ещё лет десять назад, на крестном ходе в Коренной пустыне я встречался с Саввой Морозовым, так он сказывал, что для рабочих он создаёт все условия для жизни и работы. Есть возможность поесть на заводе. За полторы копейки там давали на обед борщ, кашу с мясом и компот из сушеных яблок.

– Так это очень даже неплохо.

– Не то слово, это хорошо по нашей жизни. Для рабочих из других мест, а особенно из деревень, Савва обустроил специальные дома. Там они могут жить не только в одиночку, но и семьями.

– Это тоже неплохо.

– Если же у кого из семейных, есть маленькие дети, то им создал детские заведения, где рабочие – родители могут оставить ребенка под присмотром воспитателя, там ребенок будет накормлен, напоен и под присмотром. Чтоб родители спокойно работали, а не беспокоились о чаде.

– Но ведь не все такие, как Савва. Многие промышленники не заботятся о рабочих.

– Хороший хозяин должен заботиться о работниках. Ведь когда у рабочих налажен быт и все хорошо в семье, то они лучше работают. Больше приносят прибыли хозяину. У них не возникает мысли бастовать.

– Это верно, вот только не все это понимают.

– Кто это не понимает, тот и получает кучу неприятностей на голову.

– Совершенно справедливо! Нет государственного мышления у многих промышленников. Да ещё эти смутьяны – социалисты, которые революционерами себя прозывают, продолжают народ искушать, как демоны – искусители.

– Да, бунтарские идеи очень заразительны! Виданное ли дело, вместо того, что б ловить бунтарей и в кутузку сажать, губернский полицмейстер дома вечерами, выпроваживает детей из залы, садиться за рояль и распевает революционные песни!

– Не может быть!

– Вот те крест, – набожно проговорил Фрол Афанасьевич и перекрестился, на святые образа, – мне это доподлинно известно, от доверенных людей слыхивал.

– По этой причине и нет порядка в Отечестве! Фрол Афанасьевич, может ещё чашечку чая? – спросил Григорий Иванович, видя, что гость уже осушил чашку.

– Нет, Григорий Иванович, благодарствую покорно за угощение, но пора идти. Мне ещё надо по делам в губернскую управу наведаться с визитом, так, что не обессудь, выпью твоего изумительного чая в другой раз.

– Ну, как знаешь, а то может, задержишься ещё?

– В другой раз обязательно задержусь, но не сейчас, – проговорил Фрол Афанасьевич и встал из – за стола.

Григорий Иванович тоже поднялся и стал провожать гостя.

– Ты поедешь в Коренную пустынь к возвращению иконы в Знаменский монастырь? – спросил Фрол Афанасьевич.

– А как же? Обязательно надо ехать.

– Вот и я думаю съездить.

– Поехали вместе.

– Поехали. Ну, прощай Григорий Иванович.

– Прощай Фрол Афанасьевич.

На этом компаньоны распростились, и Григорий Иванович пошел в кабинет. Там он попытался заняться некоторыми неотложными финансовыми документами, но мысли о начавшейся войне не давали покоя.

На улице начало смеркаться. Григорий Иванович зажег свечи, как вдруг в дверь нетерпеливо постучали.

– Войдите, – ответил Григорий Иванович.

Дверь открылась и на пороге, появился сын. Это был молодой человек, лет двадцати пяти в форме поручика. Григорий Иванович порывисто встал из-за стола и быстро напра-

вился к нему. Они, молча крепко обнялись, затем, Григорий Иванович немного отстранил сына от себя и посмотрел оценивающим взглядом.

– Как ты возмужал Сергей, и уже поручик. Ведь давно ль подпоручиком был?

– Да, отец, недавно присвоили мне звание поручика.

– Рад, очень рад за тебя. К нам какими судьбами?

– Дали краткосрочный отпуск.

– Надолго?

– На десять суток. Немного передохну, а там на фронт.

– Это хорошо, Дуня приготовит твою комнату.

– Дуня недавно у нас горничной?

– Да, пару месяцев.

– А откуда она?

– С Львовского уезда, село кажется, Груней называется.

– Где ты таких симпатичных горничных находишь?

– Это не я, это мать твоя, Александра Никифоровна, она хлопотала. Её кто-то просил, из знакомых, за Дуню, взять в горничные.

– Ну и как, справляется?

– Очень работающая, всё исполняет. Александра Никифоровна просто не нарадуется.

– Это хорошо. Как поживает мой друг детства Степан Голощапов?

– Всё с переменным успехом.

– Это как?

– Уж больно пристрастился к карточной игре, ни как не может вовремя остановиться.

– И много проигрывает?

– Очень много. Вот намерен взял у меня в долг приличную сумму, принялся заново за наше купеческое дело, получил приличный барыш. Со мной рассчитался. Я, правда, как с твоего друга детства, не стал с него процент брать. Он ещё закупил товара и с выгодой продал, получив отменную прибыль.

– Так это ж хорошо, человек в гору пошел.

– Хорошо, да не очень. Тут в него словно бес вселился. Снова начал играть в карты и всё спустил. Причем не только все нажитые деньги, но и в долги влез на несколько сотен рублей золотом. И так у него это уже не первый случай.

– Жаль парня, он башковитым был.

– Башковитый, то башковитый, а вот справиться с пагубной страстишкой не может.

– Да, во всех делах, а особенно в карточных играх, надо знать меру.

– А он меры не знает, вот и платит за это. Ну да ладно, Бог ему судья.

– А как мой дядюшка, твой брат, продолжает разоряться?

– К сожалению, не везёт ему в торговле. Сколько я не помогаю, сколько не вытаскиваю из долгов, а он снова вязнет. Он в них, как в шелках.

– Да, жаль человека. Явно торговля, не его дело.

– Всё может быть, но я не могу оставлять брата в беде. Ты наверно устал с дороги, сейчас Дуня приготовит постель у тебя в комнате, – сказал Григорий Иванович и позвонил в колокольчик.

На пороге кабинета появилась горничная со свечой в руке.

– Дуня, – сказал Григорий Иванович, – приготовь постель для Сергея Григорьевича в его комнате.

– Хорошо, Григорий Иванович, – ответила девушка и вышла из кабинета.

– Опять неполадки с этим новомодным электричеством, – недовольно пробурчал Григорий Иванович, – Снова не горят электрические лампочки. Уже двенадцать лет, как в городе построили электростанцию. Более пяти лет, как в Курске появились электрические лам-

почки. Наладить же бесперебойную подачу электроэнергии в дома добропорядочных граждан не могут! Эх, Россия – матушка!

– Да, медленно приживаются новшества науки и техники на нашей земле, но пожалуй ты прав отец, – помедлив немного, проговорил сын, чувствуя усталость во всём теле, – надо мне отдохнуть с дороги. Пойду-ка я спать.

– Конечно, иди, отдохни сынок. Дуня тебе в комнате оставит зажженные свечи.

– Сергей пошел к себе. Из-под приотворенной двери комнаты пробивался неяркий луч света. Он осторожно приоткрыл дверь и с замиранием сердца остановился.

Его комната, за время отсутствия, ничуть не изменилась. Так же стоит у стены платяной шкаф, у противоположной стены – кровать, а около окна – письменный стол.

На столе стоял подсвечник с горящими свечами. Капли расплавленного воска медленно стекали по свечам, постепенно застывая. От этого казалось, что они плачут жгучими горячими слезами. Как бы о чем-то скорбя и тоскуя, о чем-то, только им одним известном...

Ровное пламя мягко освещало небольшую комнату Сергея, наполняя её с детства знакомым уютом и спокойствием.

Горничная ещё не закончила застилать кровать.

Пластичная, соблазнительная фигурка Дуни, плавно изгибалась при взбивании подушки, вызывая восхищение и смутное желание в душе Сергея.

Свет от свечей падал на сосредоточенное лицо девушки, подчеркивая приятную красу, простой русской деревенской красавицы.

– Где ж таких красавиц выращивают? – решил прервать молчание Сергей.

– Ой, Сергей Григорич, – проговорила вздрогнувшая Дуня, – вы меня испугали.

– Неужели я такой страшный? – с легким лукавством в голосе спросил Сергей.

– Не, шо вы, – простодушно ответила Дуня, – вы симпатишный.

– Так чего ж испугалась?

– Маленько задумалась о своем.

– Так ты не ответила на вопрос. Где ж таких красавиц выращивают?

– Шо я, растение, какое, шо б меня выращивали?

– Конечно ты не растение, но ты так же прекрасна и свежа, как куст чудесных роз, распустившийся в сказочных садах Семирамиды.

– Вы надо мной смеётесь наверно, Сергей Григорич, – слегка зардевшись от смущения, проговорила Дуня.

– Нет, правда. Но ты не ответила. Откуда ты, красавица?

– Да я нашенская, из Львовского уезда.

– Уезд по городу Львову назван?

– Да, кажись так.

– Интересно, почему у него такое название?

– Бабы сказывают, шо какой-то князь построил этот город для жены – Ольги, вначале город так и называли «Ольгов», но потом буква «о» потерялась и его, тапереча называют «Льгов».

– Да, красивая история, но наверно это просто сказка.

– Мне не ведомо, что слыхала от баб, то и сказываю.

– Так ты что, из самого Льгова?

– Нет, я из села.

– Что за село такое?

– Верхней Груней кличут.

– Небось, и жених у тебя есть?

– Есть, – сильно покраснев и потупив взор, произнесла Дуня.

– Ты его любишь?

- Это у господ – любовь, а у нас, как отец с маткой скажут, так и будет.
- Что ж, тебе жених совсем не нравится?
- Отчего, нравится, он симпатичный.
- Так чем же ты не довольна?
- Мы всем довольны, нам роптать не положено.
- Когда ж свадьба?
- Сватали на Покров.
- Так сейчас война с Германией началась, наверно жениха в армию призовут.
- Нет, не призовут.
- Это почему так?
- Он первенец, старший сын в семье. Мне бабы сказывали, что старших сыновей не берут в армию.
- Ишь, какая грамотная.
- Нет, я малограмотная, но мир не без добрых людей, вот оне то мне все и растолковали, – проговорила Дуня, заканчивая застилать кровать, – Всё, Сергей Григорич, можете ложиться почивать, а я пойду, дел ещё много надо переделать.
- Постой, поговори ещё со мной.
- Нет, Сергей Григорич, мне ещё много дел по хозяйству, а уже ночь на дворе.
- С этими словами Дуня вышла из комнаты, оставив Сергею подсвечник с горящими свечами.
- Сергей взял в руку подсвечник со свечами и медленно вышел из комнаты в коридор, провожая заинтересованным взглядом прелестную фигурку быстро удаляющейся горничной.
- В коридоре он столкнулся со старшей сестрой. Это была стройная девушка в длинной коричневой юбке и бежевой кружевной кофточке с воланами. Её миловидное лицо источало деловитость и лёгкую надменность. В детстве она старалась командовать Сергеем, и видимо это желание сохранилось до сих пор.
- Здравствуй Сергей, – грациозно поздоровалась она.
- Здравствуй Валентина, – ответил Сергей, – ты всё хорошеешь не по дням, а по часам.
- А ты так же мил, учтив и галантен?
- Стараюсь, дорогая сестрица, стараюсь.
- Давно приехал?
- Нет, совсем недавно.
- И уже успел положить глаз на новую горничную, – поймав направление его взгляда, слегка ревнуя, проговорила сестра, – Что, хороша девка?
- Да, хороша! Малость забита только, но если приодеть, да научить манерам и грамоте, так многим барышням даже высшего света не уступит.
- Неужели решил её заняться?
- А почему бы и нет?
- Она же простая горничная из глухого села.
- А мне уже опротивели эти напыщенные девицы, ничего не имеющие в голове, но кичащиеся родовитостью.
- Но Дуня тоже не блещет умом.
- Ум у неё просто не развит, он спит в девственно – первобытной природной колыбели.
- Да ты ни как уже успел влюбиться?
- Влюбиться, может это и громко сказано, но провести с ней некоторое время наедине, для обоюдного удовольствия, я б не отказался.
- Ну – ну, удачи тебе в начинаниях братец, – ехидно проговорила сестра и пошла прочь.
- Премного благодарен, – язвительно ответил ей вслед Сергей и добавил, – ладно, пойду спать. Утро вечера мудренее.

Сергей, в задумчивости, вернулся в комнату, поставил подсвечник со свечами на стол, медленно разделся и, потушив свечи, лег в постель.

Перед глазами возник образ этой простой деревенской девушки, так пленивший пылкое юношеское сердце.

Сергей любовался им и в душе воцарился мир и покой.

Вскоре усталость повергла его в пучину сна, и он провалился в негу сновидений, полностью отдавшись их чарующему воздействию.

Глава четвёртая

Армейская привычка вставать рано, не дала долго спать Сергею и дома.

Он поднялся чуть свет, умылся, оделся, вышел на Первую Сергиевскую улицу, на углу которой и располагался отчий дом.

Край солнечного диска едва появился из-за горизонта. Небосклон озарился золотистым светом.

Темно-синие силуэты кучевых облаков, как громадная военная флотилия, грациозно застыли на невидимых якорях в небесной гавани. Готовые в любую секунду сорваться и плыть в неведомые дали.

Невесть откуда набежавший лёгкий ветерок обдал прохладным дыханием лицо, унося последние остатки ночного сна. На улице не было ни души, а в воздухе стояла звенящая тишина, не нарушаемая ни единым звуком. Даже бестолкового птичьего щебета не было слышно.

Начинался новый день.

Сергей, решил немного прогуляться по родному городу.

Пройдя Первую Сергиевскую, он в задумчивости вышел на Московскую улицу и не спеша, направился к Знаменскому собору, за которым расположился мужской монастырь.

Центральная улица была тоже безлюдна. Она шла под уклон, и собор неумолимо надвигался на путника всей своей величественной громадой, внушая трепет и уважение к его красоте.

Лучи восходящего солнца озаряли центральный купол и он блестел в золотом убранстве. Казалось, ничего не могло поколебать его величественную твердь.

Собор строили на тысячу лет и, как говорили строители, фундамент был таким широким, что по нему могла проехать упряжка, запряженная тройкой рысаков.

Шестнадцать лет назад, в ночь с 7 на 8 марта 1898 года, террорист партии эсеров Уфимцев устроил взрыв в Знаменском соборе.

Но свершилось то, чего никто не ожидал, а наука не в силах была объяснить.

Чудотворная икона «Знамение Пресвятой Богородицы» совсем не пострадала, хотя эпицентр взрыва находился вблизи. Человеческих жертв тоже не было. Разбилось лишь прикрывающее образ стекло, и были нанесены значительные повреждения внутренним помещениям здания.

Дойдя до собора, Сергей повернул налево и пошел вдоль монастырской стены по Верхней Набережной. Часть стены была построена ещё в IX веке и принадлежала крепостной стене древнего городища.

Массивная башня средневековой крепости угрюмо возвышалась над обрывистым берегом поймы реки Тускарь.

Она не раз отражала различные набеги завоевателей и сейчас гордо стояла в скорбном молчании, неся память о былых сражениях, воспетых ещё в «Слове о полку Игореве» и предрекая будущие баталии.

Сергей пересёк мостовую и подошел к самому обрыву, высоко поднимавшемуся над поймой реки. Перед ним открылся необъятный простор, от которого просто дух захватывало.

Он постоял некоторое время, любуясь увиденным великолепным видом природы и отвернувшись, ослеплённый лучами восходящего солнца. Взгляд упал на стену мужского монастыря и задержался на двух монахах, стоящих под стеной.

Вскоре над стеной показалась фигурка монахини. Она перелезла через стену и благополучно оказалась в руках поджидающих монахов. Через некоторое время ещё две мона-

хини перебрались через стену, а за ними и третий монах. После этого все три пары чинно и благородно прошествовали по Верхней Набережной.

«Ничего человеческого не чуждо даже монахам», – подумал Сергей и из любопытства, последовал за ними.

Группа монахинь с монахами, влекомые молодостью и пораженные стрелами Амура, неспешно прошла через городской сад на Первую Сергиевскую улицу и миновав несколько кварталов, остановилась около стены Троицкого женского монастыря. Монахи помогли спутницам перебраться через каменную стену теперь уже женского монастыря, а сами повернули назад.

«O tempera, o mores!»¹ – всплыло в памяти Сергея восклицание Цицерона против Катилы, произнесенное ещё в глубокой древности, но оставшееся актуальным до сих пор.

Сергей не понимал, как можно служа Богу, осуждая разврат, лицемерие, похоть, тайно предаваться всем этим порокам.

Уж лучше б не лицемерили, а сняли монашеский наряд, да вели б открытую светскую жизнь, погрязшую в разврате и прелюбодеянии.

Сергей ещё немного погулял по утренним летним улицам и возвратился домой.

Дома ждал завтрак – стакан свежей, только что принесенной с рынка, сметаны и мягкая французская булочка.

Сергей вспомнил, как в детстве любил нажимать пальцем на эту булочку, а когда отпускал палец, то она сама поднималась, принимая прежнюю форму.

За время отсутствия в отцовском доме ничего не изменилось. Хоть и шла скоромная неделя, но семья питалась в основном молочными продуктами, да кашами.

Мясо, как и в детстве, бывало на столе родителей только четыре раза в год, по великим праздникам.

На Рождество был гусь, на Пасху – котлеты, на престольный праздник – гуляш, а на день ангела Григория Ивановича – отварное мясо.

Сергей проголодался. Он сел за стол и с великим наслаждением принялся за трапезу.

Насытившись, встал из-за стола и вышел из комнаты. В коридоре столкнулся со средней сестрой, ещё отроковицей, быстро шедшей на встречу.

Увидев Сергея, она пылко бросилась ему на шею:

– Серёжка, приехал!!! Ах, как я рада!!!

– Я тоже рад тебя видеть Муся, – ответил Сергей, обнимая сестру.

– Ты надолго домой? – спросила счастливая Мария, влюбленно глядя на брата и не выпуская его из объятий.

– На десять суток.

– Как замечательно, десять суток! Это же целая вечность!

– Конечно не вечность, но достаточно, что бы побыть со всеми вами.

– А Валя, Валя тебя видела?

– Нет ещё, – чтоб не огорчать сестру соврал Сергей.

– Как здорово! Так я первая смогла тебя обнять!

– Да, ты первая.

– Вот и отлично, – удовлетворенно произнесла Мария и выпустила брата из объятий.

– Муся, ведь так нельзя, вы же родные сестры, а ты всё время с ней соперничаешь!

– Нет можно! Так нужно! А то всё ей, да ей!

¹ О времена, о нравы

– Она просто старше, вот ей больше нужно, а ты младше и тебе надо меньше. Зато ты можешь сейчас учиться в гимназии, а она, в своё время, закончила два класса гимназии и родители забрали её оттуда, сказав, чтоб шла в лавку торговать.

– Но ведь мне ж обидно! Я всё за неё донашиваю! Даже ботиночки!

– А за тобой, твои младшие сестры будут донашивать. Ведь Зина ждет тебя из гимназии, чтоб надеть твои ботиночки и пойти погулять?

– Да, ждет, – сокрушенно проговорила Мария.

– Вот видишь! А там подрастут младшие Лиза с Тоней и тоже будут всё ваше донашивать! Так что не переживай, у тебя всё будет хорошо.

– Да, не переживай! Тебе хорошо, ты вон, какой большой, а мне знаешь, как обидно!

– Что б тебе не так было обидно, мы можем поехать на Сейм.

– Правда?

– Правда.

– А когда?

– Да хоть сегодня.

– Вот здорово, – счастливо проговорила она, снова бросившись на шею брата, – я тебя так люблю.

– Муся, – раздался строгий молодой женский голос, – не приставай к брату!

– Опять эта противная сестрица с вечными нравоучениями, – недовольно проворчала Мария и отстранилась от брата.

– Не гуди, а лучше иди, собирайся, – проговорил Сергей.

Мария радостно повернулась спиной к брату и вприпрыжку удалилась.

– Здравствуй Сергей, – проговорила старшая сестра, подходя к брату.

– Здравствуй Валентина, – ответил Сергей.

– Куда это ты собрался с нашей сестрёнкой, что она такая радостная ускакала отсюда!?

– Вот думаю с ней прокатиться на реку.

– Это дело!

– Если желаешь, можешь присоединиться к нам.

– Нет уж, увольте, у меня много в лавке дел.

– Ну, как знаешь, а я пойду собираться.

Ступеньки старой лестницы отцовского дома жалобно поскрипывали под ногами, то ли жалуясь на судьбу, то ли о чем-то скорбно предупреждали.

Сергей медленно поднимался по ним, наслаждаясь этим скрипом, знакомым с раннего детства.

В детстве эта лестница казалась огромной и очень крутой. Её приходилось ежедневно покорять с определённым усилием и трудом. Сейчас, она как бы ссохлась от старости, утопталась от ежечасной ходьбы и легко покорила молодых ногам.

Сергей вошел в свою комнату и как вчера вечером, увидел в ней Дуню.

Дуня усердно протирала подоконник, хотя он был и так чист. Сергей снова залюбовался её лицом и привлекательной фигурой.

Солнце наполнило ласковым теплом и светом всю комнату и придало стройной фигурке Дуни божественные черты.

– Доброе утро Дуняша! – проговорил он.

– Доброго здоровячка вам Сергей Григорич, – ответила Дуня продолжая выполнять работу.

– Ты уже вся в работе, вся в делах?

– Дык и вы тоже ж чуть свет изволили встать, и ушли-с на прогулку.

– Это у меня армейская привычка, не могу долго спать.

– Как вам почивалось на новом месте Сергей Григорич?

– Благодарю, превосходно, но одно меня вчера сильно огорчило.

– Что же, Сергей Григорич?

– То, что ты так быстро ушла от меня.

– Дык мне ж работать нужно было, да и ваши родители начали б браниться, что я не даю вам отдохнуть.

– Не начали б, – проговорил Сергей.

Он взял Дуню за руку, властно привлек к себе, обнял и страстно поцеловал в губы. От неожиданности она в первые минуты не сопротивлялась, но потом, как бы придя в себя, вырвалась из объятий Сергея.

– Пошто смеётесь над бедной девушкой?

– Я не смеюсь над тобой! Ты очень нравишься мне, и сильно захотелось поцеловать тебя.

– Девушкам грех целоваться с молодыми господами.

– От чего же грех? Я очарован твоей красотой и решил это выразить в поцелуе.

– Вам всё шуточки, а нам потом страдать. Вона, анадьсь, бабы сказывали. Одна молодая девка тоже из села, тоже была горничной у господ. Так молодой барин обрюхатил её, а потом господа и вышвырнули на улицу. Куда горемыке деваться? В деревню не вернёшься с таким грехом, а здесь нигде не устроишься жить. Да и на работу такую тяжелую ни кто не берёт. Вот она и просит милостыню около святого храма.

– Не бойся, с тобой такого не произойдёт.

– Все вы так говорите. Вам, господам, это одна забава, а мы должны отвечать за всё.

Сергея приятно удивило такое упорство молодой деревенской девушки, но мужской инстинкт победителя снова заставил предпринять очередную попытку завоевать её.

Он с большей энергией начал осуществлять это намерение и её отказ, лишь подхлестывал его действия, возбуждая сильное желание.

– У меня не так. У меня к тебе сильные чувства и серьёзные намерения, – проговорил Сергей и снова ласково, но настойчиво обнял Дуню.

– Ах, Сергей Григорич, – уже менее уверенно проговорила Дуня, слабо вырываясь из его объятий, – не можно так!

– От чего же? Как раз, очень даже можно!

– Грех, всё это!

– Прямо то уж и грех?

– Конечно!

– Всё это бабушкины сказки. Вот я сегодня утром прогуливался по городу и видел, как даже монахи и монахини не могут устоять под напором взаимных чувств любви друг к другу. Всё ж это происходит не ради прихоти людской, а ради продолженья рода человеческого. А я очень хочу, чтоб твой сын был похож на меня.

– Я готова, Сереженка!!! – раздался вдруг за спиной звонкий голос сестры, который сразу повис в пронзительной тишине, наступившего внезапно неловкого молчания.

Сергей, с большой неохотой и великим сожалением, как избалованный ребёнок, у которого отняли любимую игрушку, отстранился от Дуни и повернулся к появившейся, так некстати, Марии.

– Что готова? – не скрывая сильного раздражения, грозно проговорил он, но, увидев растерянное и смущённое лицо сестры, слегка смягчился и переспросил, не так грозно, – Что готова?

– Ты же сам послал переодеваться к поездке, – обиженно залепетала сестра.

– Ах, да, – сконфужено ответил Сергей, – я совсем забыл. Ну, раз готова, то поехали кататься.

Поездка действительно удалась на славу. Чудесный солнечный день способствовал этому. Брат и сестра быстро доехали до реки и расположились на живописном берегу Сейма, сконфуженно промолчав всю дорогу.

Пологий берег плавно спускался к реке, и она спокойно и грациозно несла воды куда-то, скрываясь за поворотом.

На противоположном берегу стоял смешанный лес. Деревья лениво покачивали ветвями, как бы отмахиваясь от надоедливого озорного ветерка. Стайка ласточек, весело щебеча, быстро носилась над речной гладью.

Великолепный пейзаж полностью завладел ими, и брат с сестрой долго молчали, залюбовавшись. Мария решила первой нарушить затянувшееся молчание:

– Ах, Сереженка! Хорошо-то, как здесь! – взволнованно проговорила она, вдыхая всей грудью речную прохладу.

– Да, чудесно. Даже не скажешь, что где-то идет война и гибнут тысячи людей.

– Как это ужасно! Ну почему, почему нельзя жить мирно? Почему людям надо обязательно убивать друг друга?

– Да, ты права. Ни одно живое существо не убивает себе подобного, ради прихоти. Лишь человек, этот венец природы, готов уничтожить ближнего ради раздела территории, из-за денег, или ещё из-за чего-нибудь низкого и мелкого.

– Сереженка, мне страшно!

– Чего ты боишься глупышка?

– Ты ведь тоже едешь на эту бойню и я, боюсь за тебя. Ведь тебя тоже могут убить!

– А ты не бойся. Лучше молись за меня Богу, и я обязательно вернусь.

– Я обязательно буду за тебя молиться и утром, и днем, и вечером, лишь бы ты остался жив!

– Тогда, я уж точно вернусь, жив и здоров.

– Ты мне обещаешь?

– Конечно!

– Ах, как я рада!

Глава пятая

Воинский эшелон с новобранцами в котором был и Ефим Ливанов, прибыл к месту назначения на пятые сутки, в середине дня. Всех быстро выгрузили, построили в колонну по десять человек в ряду, и спешно, пешим ходом, отправили на запад, к видневшемуся невдалеке широколиственному лесу.

Начавшаяся осень еще не сильно коснулась живописной кистью зелёного убранства деревьев и кустов, но кое-где уже были видны первые признаки начавшегося увядания природы.

Осеннее солнце почти не припекало, прячась в часто набегающие дождевые облака, но полная выкладка и монотонный шаг вскоре начали утомлять идущих.

Вдруг в начале колонны раздалась команда: «Запевай!».

Сразу пронзительно-громкий голос запевалы начал выводить первые куплеты полковой песни:

«Солдатушки, бравы ребятушки,
Кто же ваши деда?»

(Русская военная песня)

И как грозный горный водный поток, который стремительно прорвал хилую земляную плотину, и с огромной высоты устремившись на необъятные просторы долины, зычный хор мужских голосов роты, грянул припев, сметая тишину потухающего осеннего дня:

«Наши деда – славные победы,
Вот кто наши деда!»

(Русская военная песня)

Звуки песни будто всколыхнули всех, все подтянулись, сразу приободрились и приосанились.

Идти стало веселей, да и ноша стала легче. Усталость, словно трусливая собачонка, поджав хвост, спряталась где-то в глубине организма, украдкой поджидая своего часа.

А запевала не унимался, дальше вёл песенный разговор, дальше выпрашивал:

«Солдатушки, бравы ребятушки,
Кто же ваши отцы?»

(Русская военная песня)

Дружный же хор мужских голосов весело отвечал ему:

«Наши отцы – русски полководцы,
Вот кто наши отцы!»

(Русская военная песня)

И снова запевала интересовался:

«Солдатушки, бравы ребятушки,
Кто же ваши матки?»

(Русская военная песня)

И вновь дружный хор голосов сообщал:

«Наши матки – белые палатки,
Вот кто наши матки»

(Русская военная песня)

Бодрая песня все вела и вела колонну вперёд, заставляя не думать об усталости.

Она звала за собой, раскрывая широту русской души и глубину самопожертвования, на которую всегда готов российский солдат, защищая родную землю и отчизну.

Незаметно пролетело несколько часов похода.

Утомлённое солнце уже давно скрылось за горизонтом, а колонна все шла и шла походным маршем по пересеченной местности чужого края.

Около небольшой буковой рощицы была дана команда, сделать привал и поставить палатки.

Пока ставили палатки, подросли полковые кухни, плетущиеся в хвосте колонны и изрядно отставшие в пути, по какой – то никому неведомой причине.

После еды и вечернего отдыха Ефим залез в палатку, расположился между Митрофаном Фроловым и «Курицей», и сразу заснул.

Не смотря на усталость после длительного перехода, спал он тревожным сном.

Ему снилась соседская Дуняша, на которой он должен был жениться, по сговору отца с её родителями на Покров, но помешала война. Она Ефиму нравилась, да и Дуня отвечала взаимностью. Вот она улыбающаяся манит и зовёт куда-то. Он вскакивает и бежит на зов, но она с хохотом убегает и исчезает вдали.

Ранним утром его разбудила равномерная барабанная дробь дождя, бившего по пологу палатки. Ефим встал, протиснулся между спящими однополчанами, подошел к выходу и высунулся наружу.

Небо, было, полностью закрыто сплошной серой пеленой облаков, из которых, как из сита, лился мелкий морозящий дождик. Все палатки были уже мокрые от дождя.

Природа готовилась к предстоящей зимней спячке, обильно насыщая влагой всё вокруг. Окружающий мир дышал негой и дремотой, усиленной монотонным шумом дождя.

Командиры явно не спешили выбираться из сухих палаток, под промозглый осенний дождь.

Лишь в середине дня, хоть облака ещё не рассеялись, да и дождь не собирался прекращаться, была дана команда свернуть палатки, построиться и продолжить движение.

Куда двигалась колонна и зачем, толком ни кто не знал. Командиры не считали нужным сообщать солдатам, возможно из соображения военной конспирации, а возможно, что и сами толком не знали конечную точку маршрута.

Во время пути, продолжал моросить мелкий дождь, часто переходивший в ливень.

Раскисшая дорога быстро превратилась в грязевое месиво, которое с завидным упорством месили солдатские сапоги.

Ефим шел в середине шеренги. Он уже давно устал идти, тупо уставившись в спину идущего впереди однополчанина. Автоматически выдергивая ногу из грязевого плена, а затем, снова погружая в раскисшее месиво. Стараясь попасть след в след идущего впереди. С одним единственным желанием, как бы быстрее прозвучала долгожданная команда: «Привал».

Но такой команды всё не было и не было, а колонна всё шла и шла вперед по пересеченной местности, одному Богу известно куда.

Так продолжалось очень долго, но вот прозвучала долгожданная команд и все расположились на отдых уже глубокой ночью.

На следующее утро, роту, в которой служил Ефим, построили цепью и приказали рыть окопы.

Как это делать никто толком не знал, так как до начала войны в 1914 году в Генеральном штабе Русской армии бытовало мнение, что зарываться в землю – позор для славного русского воинства. Русский солдат должен встретить врага на земле, твёрдо стоя на ногах и стойко вступая в схватку с ним. А не прятаться от него в земляных канавах, как какой-то дождевой червяк.

С начала войны немцы, и их союзники широко применили артиллерию и новое изобретение – пулемёты, начали зарываться глубоко в землю. Русские войска, подражая противнику, стали делать то же самое.

Ефим начал рыть ямку, предварительно наметив лопатой периметр окопа, по длине равный его телу. Справа от него рыл окоп Митрофан Фролов, а слева – Филипп Курочкин, по прозвищу Курица.

Ефим снял верхний слой дерна и уложил перед будущим окопом, а затем начал копать землю. Почва была влажной, но не сильно пропиталась водой.

Вскоре опять начался дождь. Копать стало очень трудно. Вынимаемая земля была очень влажной и тяжёлой, сильно прилипала к лопате. Когда же её выкладывали на бруствер предполагаемого окопа, она сползала вниз.

Кое-как, с грехом пополам, Ефиму и его однополчанам удалось вырыть окопы, по пояс глубиной и ротный сказал, что этой глубины вполне достаточно.

Спустя некоторое время дождь прекратился, и сплошная облачность немного рассеялась.

Затем Ефим и его однополчане начали соединять окопы ходами сообщения.

Только они успели это сделать, как на горизонте показалась странная машина, летящая в их сторону и громко гудящая.

Как позже узнал Ефим, это был аэроплан.

Аэроплан подлетел к их окопам, начал кружиться над ними, а затем стал сбрасывать на головы солдат гранаты и бомбы.

Ба – бах! Бах! Бах! – слышалось со всех сторон.

Гранаты стали взрываться то недолетая, то, перелетая окопавшихся людей, но некоторые попадали и в сами окопы.

Вжик – вжи – вжи стали проноситься осколки около головы, повсюду поднялись фонтаны из комьев земли.

Ефим бросился на дно свежевырытого окопа и затаился.

Взрывы то удалялись, то приближались к нему. Один взрыв прогремел совсем рядом с окопом. Выброшенные комья земли засыпали Ефима с ног до головы, но осколки просвистели над головой, не задев.

Долго ещё аэроплан кружился над окопами, методично сбрасывая гранаты и бомбы, а выполнив кровавое дело, улетел.

Ефим полежал в укрытии ещё некоторое время, подождал, пока не стихнет гул аэроплана, а затем начал постепенно выкапывать себя из земляного заточения.

Повсюду были видны воронки от взрывов бомб и гранат. Около некоторых окопов лежали убитые, раздавались стоны раненых. Ефим бросился к окопу Митрофана.

Митрофан лежал присыпанный землей, слегка постанывая, из правой руки текла струйка крови.

– Митрофан! Жив? – озабоченно спросил Ефим.

– Кажись, живой, – вяло ответил полу оглушённый Митрофан.

- Шо с рукой?
- Мабудь, малость зацепило.
- Давай помогу перевязать.
- Давай.

Ефим перевязал односельчанина и помог подняться.

Многие однополчане уже пришли в себя. Кто остался цел, и невредим, помогали раненым перевязываться.

- Шо-то Курицы не видать, – озабоченно проговорил Митрофан.
- Надо посмотреть в окопе, – ответил Ефим.
- Дык пойдём, поищем, – предложил Митрофан, морщась от боли, случайно задев раненую руку.

Ефим с Митрофаном вылезли из окопа, и пошли к окопу Курицы, по дороге наткнулись на оторванную ногу в солдатских обмотках.

Подойдя к окопу, где должен был находиться Курица, они никого не нашли. Лишь комья земли насыпаны на дне воронки, которая раньше была окопом.

- Дык где же Курица? – удивленно, в некотором замешательстве, проговорил Митрофан.
- Неужто, прямое попадание? – предположил Ефим.
- Дык, шо? Встреченная нам нога, это всё, что от Курицы осталось?
- Получается, шо так.
- Они ещё пошарили вокруг, но нигде, ни кого не нашли
- Царствие небесное убиенному воину Филиппу, – удрученно проговорил Митрофан и перекрестился.
- Царство небесное, – повторил Ефим.

Ефим с Митрофаном отошли от злополучного окопа и принялись помогать перевязывать раненых и собирать убитых.

Вскоре подъехал какой-то генерал, в сопровождении нескольких офицеров.

- Сам Брусилов пожаловал, – проговорил под нос ротный, находившийся невдалеке от Ефима.

Ротный бросился к Брусилову докладывать обстановку, а Ефим невольно обратил внимание на генерала.

Это был человек уже в возрасте, лет за пятьдесят, но внешне строен, бодр и подтянут.

Он производил впечатление опытного вояки, знавший все тяготы солдатской службы не понаслышке, а деля с ними поровну все превратности воинской службы.

Разговора ротного с генералом было почти не слышно и до Ефима долетали лишь обрывки фраз.

- Почему не выкопали окопы в полный рост? – громко возмущался Брусилов, – что это за мышиные норки вы тут наковыряли?
- Не успели-с, ваше высокопревосходительство, – оправдывался ротный.
- Вот поэтому вас немец и накрыл на аэроплане, – отчитывал Брусилов, – были бы окопы в полный рост, то и потерь было бы значительно меньше.
- Виноват, ваше высокопревосходительство, – подобострастно, вытягиваясь в струнку, отвечал ротный.
- Сейчас же углубить окопы, – приказал Брусилов.
- Слушаюсь, ваше высокопревосходительство, – проговорил ротный и побежал исполнять приказание.

После того, как всем раненым была оказана первая медицинская помощь, а убитые собраны в одно место, прозвучала команда сделать окопы в полный человеческий рост и продолжить соединять их ходами сообщения.

Ефим вместе с не пострадавшими от бомбардировки однополчанами, стал выполнять распоряжение ротного, а Митрофан, в числе остальных раненых, отправился в лазарет.

По окончании работ по углублению окопов и траншей, солдаты наломали ветки деревьев и кустов, собрали хвороста и зажгли костры, чтобы обсушиться и погреться.

К костру, у которого сидел Ефим с другими солдатами, подошел сам Брусилов. Он ещё не уехал из расположения полка и видно решил познакомиться с солдатами поближе.

– Что, братцы, – начал он разговор, – потрепал вас немного противник?

– Да, уж, – досталось нам на орехи от немца, – проговорил разбитной Никанор, по прозвищу «Затычка».

– Это прозвище он получил за то, что лез всюду и везде пытался вставить слово. В общем, как говориться, был в каждой бочке затычкой.

– Так скажи-ка, солдат, – обратился к нему Брусилов, – где ж живут немцы?

– Так везде они и живут! – удивленно ответил Затычка, – Вон-на и наш губернатор, из немцев.

– Я не про это, я про то, в какой стране они проживают?

– Так в нашей и проживают! Вон-на их, сколько у нас: и дохтура, и губернаторы, и торговый люд, всех и не перечесать.

– У всех наших немцев, родиной является Германия, а мы, воюем с Германией и её союзниками.

– Эхма, вот оно как, получается, – озадаченно протянул Затычка, почесав затылок.

– Вот так-то. Скажи, солдат, а из-за чего мы воюем? – продолжал расспросы Брусилов.

– А кто его знает? Говорят, что какой-то там эрц-герц-перц с женою были кем-то убиты, а потому австрияки хотели обидеть сербов.

– Так кто же такие сербы?

– Это нам не ведомо.

– А кто такие славяне?

– Нам это не знамо.

– А где находится Австрия?

– Ох, ваше высокопревосходительство и мудрёные же вы вопросы задаёте.

Из разговора выходило, что солдаты толком не понимали, за что воюют и для чего.

Получалось, что людей вели на бойню неизвестно из-за чего. Выходило, что убивали лишь ради прихоти царя.

В действительности же в этой войне решалась участь России.

Брусилову хотелось, чтоб это понимали солдаты и шли в бой сознательно, с чувством патриотизма, с осознанной любовью к великой Родине. Но их темнота не позволяла сделать этого, а ликвидировать безграмотность, у него не было ни сил, ни особого желания. Да и кодекс офицерской чести не позволял долго общаться с солдатами, которых некоторые его сослуживцы и за людей не считали.

Поэтому, подводя как бы итог беседы, Брусилов сказал:

– На севере германцы прорвали фронт. Скоро на нашем участке австрийцы – союзники немцев попытаются прорвать оборону, надо быть начеку.

– Эхма! – сокрушенно проговорил Затычка, – Другие напакостничали, а нам на поправку давай!

Глава шестая

Прошла уже неделя, как Сергей Михеев наслаждался отпуском в доме родителей.

Сегодня он взял у друга скакового коня. Молодого, полуторагодовалого мерина, гнедой масти и верхом отправился прогуляться по окрестностям родного города.

Через Херсонские ворота он выехал на большак и рысью помчался в южном направлении.

Денёк выдался на славу. Яркое солнце неторопливо приближалось к зениту небосвода, то и дело стыдливо прячась за часто набегающие кучевые облака.

Дорога то поднималась на взгорок, то спускалась в низину. Перелески сменялись полями, а то и нетронутыми рукой человека участками никогда никем не паханой степи.

Окружающий мир величественно наблюдал за быстрым перемещением Сергея. Вот трясогузка вспорхнула из-под копыт мерина, явно недовольная, что потревожили. Тут полетела ласточка по каким-то неотложным делам.

Легкий ветерок обдувал лицо и тело, и не было жарко под солнечными лучами.

Тишина и строгая торжественность природы наполняли душу спокойствием, придавая возвышенную торжественность происходящим событиям.

Сергей любил такие прогулки верхом на коне. Общение с природой позволяло упорядочить мысли и найти нужное решение. А подумать Сергею было о чём.

Легкий флирт с Дуней перерос в сильное увлечение этой простой деревенской девушкой. Её нежелание отвечать на ухаживания взаимностью, раззадоривали его, и мужская гордость требовала, чтобы он непременно завоевал её сердце.

Сегодня утром Сергей встретил Дуню в коридоре и уже по обыкновению, когда они встречались наедине, обнял её, слегка прижав к стене, говоря:

– Дуняша, ты сегодня просто прелесть, как чудесно выглядишь.

– Опять вы смеетесь, надо мной, Сергей Григорич, – проговорила она, но уже не стала вырываться из объятий.

Это послужило Сергею добрым знаком, и он попытался поцеловать её в губы, но Дуня увернулась, сильно наклонив голову. Его поцелуй попал в щеку. Он опять попытался поцеловать в губы, но она снова не дала это сделать.

– Дуняша, – удивленно проговорил Сергей, – почему ты не хочешь, чтоб я поцеловал тебя в очаровательные губки? Они такие восхитительные и желанные, что просто дух захватывает при виде их!

– Нельзя этого делать! – возразила Дуня.

– Отчего ж нельзя? – стал допытываться Сергей, плотнее прижимаясь к девушке и ласково обнимая голову ладонями.

– Так ненужно, – уже менее уверенно проговорила Дуня, и к своему удивлению почувствовала, что уже сама хочет, чтоб молодой хозяин прижимал её.

– Почему ненужно? Или я тебе совсем не нравлюсь?

– Нет, вы симпатичный, – смущенно и ласково проговорила Дуня, но тут же добавила, – но не надо целовать в губы!

– Но почему? В чем причина? – ещё больше удивился Сергей, нежно проводя рукой по её лицу.

Дуня немного помолчала, наклонив голову вниз, позволяя себя ласкать, а затем еле слышно произнесла:

– Бабы сказывали, что если целоваться с молодыми господами в губы, то можно забрюхатеть, а я не хочу ребёночка иметь без мужа, грех это великий.

– Врут твои бабы, ведь я ж уже целовал в губы и ты не забрюхатела!

– Дык это ж было один лишь разочек и то быстро!

– Вот и сейчас я поцелую один лишь раз и быстро, – проговорил Сергей и, нежно подняв её голову, ласково поцеловал в губы.

Вначале Дуня вздрогнула, попыталась оттолкнуть Сергея, но потом ей эти нежные ласки понравились.

От огромного удовольствия она закрыла глаза и полностью отдалась новым ощущениям.

Сергей с наслаждением целовал Дуню, чувствуя, что ей нравились его ласки.

Вдруг скрипнула дверь в дальнем конце коридора, Дуня вся вздрогнула от этого звука и стала отталкивать Сергея. Чтобы не компрометировать девушку, Сергей отстранился от неё.

– Ну и баловник же вы Сергей Григорич! – тихо, но кокетливо проговорила она и быстрыми шажками пошла прочь.

Сергей задумчивым взглядом проводил её очаровательную фигуру и пошел в свою комнату.

Всплывшие в памяти воспоминания заставили Сергея остановить мерина и спешиться. Он решил немного пройтись по цветущей степи, но сделав несколько шагов, остановился на месте, невольно залюбовавшись великолепием цветущего разнотравья.

Вот ромашки хитро посматривают желтыми зрачками симпатичных глазок, окаймленные ресницами ослепительно белых лепестков; а вот цикорий ошетинился острыми стебельками, гордо выставляя, всем на показ, цветки небесной голубизны.

Здесь трудолюбивая пчела методично обследует цветущую медуницу в поисках взятка. Тут несколько бабочек беззаботно порхая, перелетают с цветка на цветок, кружась в брачном хороводе.

Мерин видя, что наездник не спешит продолжить путешествие, опустил голову к душистой траве и с наслаждением начал щипать сочные стебли.

Любуясь окружающей природой, Сергей снова в мыслях возвратился к Дуне, обдумывая тактику дальнейших действий в завоевании её сердца.

Время в степи пролетело незаметно, и домой Сергей вернулся уже к вечеру, когда солнечный диск превратился в огромный кроваво-красный шар, неуклонно приближающийся к горизонту. Дома его встретила Мария.

– Сереженка, ты уже вернулся! – радостно проговорила сестра.

– Да, только что, – ответил Сергей.

– Как прогулялся?

– Просто превосходно! А где матушка с Валентиной?

– Валентина, как обычно, в лавке, а матушка кормит Тосю. А ты сам, будешь есть?

– Конечно, я сильно проголодался!

– Тогда я скажу Дуни, чтоб она накрыла в столовой.

– Хорошо, я только поднимусь в комнату и вернусь.

Мария пошла, давать указания Дуне, а Сергей поднялся к себе в комнату.

Минут через пятнадцать, он вошел в столовую.

На столе уже стояла супница с супом, а Дуня сервировала стол. Увидев Сергея, она одной рукой взяла половник, другой рукой открыла крышку супницы, положила крышку на стол и спросила:

– Сергей Григорич, вам наливать два, или три половника супа?

– А что у нас сегодня? – поинтересовался Сергей, усаживаясь за стол.

– Суп с яйцом, – ответила Дуня, беря во вторую руку, пустую тарелку.

– Давай три, я сегодня проголодался.

Дуня налила в тарелку три половника супа и подала Сергею.

– Приятного аппетита, Сергей Григорич, – ласковым голосом проговорила она.

Беря тарелку, Сергей слегка придержал её за руки.

– Побудь со мной, – нежным голосом попросил он.

– Мне ещё надобно перестелить вам постель, – тихо, как бы извиняясь, ответила Дуня, но рук не стала убирать из его ладоней.

– Хорошо, иди! – нехотя отпустил её Сергей и убрал руки.

Дуня вышла из комнаты, а Сергей взял ложку, крупный ломоть душистого хлеба и стал есть суп. Быстро справившись с едой, он встал из-за стола и направился в свою комнату.

Войдя в комнату, он застал там Дуню, застилающую кровать новым постельным бельем. Сергей плотнее прикрыл входную дверь и решительно подошел к соблазнительно склонившейся девушке.

На появление Сергея, Дуня слегка повернула голову, но продолжила застилать постель.

– Сейчас всё будет готово, Сергей Григорич, – проговорила она.

Сергей немного постоял рядом, наблюдая за работой, а затем наклонился к Дуне, властно обнял, и крепко сжал молодые упругие девичьи груди, которые сразу набухли и стали твердыми. После этого он привлек её к себе.

– Не надо, Сергей Григорич, – пролепетала девушка.

– Я больше не могу без тебя жить! – горячо прошептал Сергей ей на ухо, слегка охрипшим от волнения голосом, – я тебя полюбил с первого дня нашей встречи!

– Но Сергей Григорич, у меня же есть жених, – стала возражать Дуня и попыталась освободиться из объятий.

– Я буду твоим женихом! Я хочу жениться на тебе! Я стану твоим мужем! – пылко проворил Сергей.

После этого, он повернул Дуню к себе лицом и страстно поцеловал в губы.

Дуня больше не сопротивлялась. Против её воли, все эти действия одурманивали сознание, пробуждая сильное желание. Ей самой уже хотелось, чтобы он трогал тело, целовал и ласкал, хоть умом Дуня понимала, что этого нельзя было делать до замужества, это было большим грехом.

Его поцелуи были нежными, но решительными и от этого захватывало дыхание, начинала кружиться голова. Ей уже было всё безразлично, кроме того, чтоб он не прекращал ласк.

Сергей продолжал страстно целовать, а обнимавшие руки, скользнули вниз, к бедрам девушки и задрали подол платья.

От этих пьянящих ласк, Дуня сильно возбудилась, от удовольствия она прикрыла глаза и больше не противилась дальнейшим действиям Сергея.

Ободренный покорностью, Сергей ласково положил Дуню на кровать и начал нежно гладить ей низ живота, продолжая страстно целовать щёки, глаза, нос и губы.

Затем он лег на неё и сделал больно, но вскоре эта боль прошла, а появилось новое приятное чувство, которого она раньше никогда не испытывала. Сергей ещё с ней что-то делал, но потом затих и через некоторое время лег рядом.

– Зачем вы так со мной? – еле слышно проговорила Дуня и из прикрытых глаз брызнули слёзы.

– Я тебя безумно люблю и женюсь на тебе, – проговорил Сергей, обняв её.

– Но ведь это грех, так поступать, без венчания.

– Прости, не сдержался! Ты меня просто сводишь с ума! Я не нахожу места, без тебя!

– Вы мне тоже симпатичны, – слегка зардевшись, призналась Дуня.

– Вот видишь! Само провидение хочет, чтобы мы были вместе, а ты противишься!

– Нет, – горячо ответила Дуня, открыв глаза и устремив на Сергея сияющий взор, – я согласная! Но вы меня не обманите, Сергей Григорич, не бросите?

– Как ты можешь так говорить? – пылко проговорил Сергей и снова начал целовать и ласкать счастливую девушку.

В это время в коридоре послышался громкий женский крик: «Дуня!».

– Ой, это Александра Никифоровна, ваша матушка, – спохватилась Дуня, – я слишком долго у вас замешкалась, а у меня же ещё уйма дел! Меня Александра Никифоровна ругать будет!

Она быстро встала с кровати и одернула платье. На новой простыне показалось кровавое пятно. Увидев это, Дуня проговорила сконфужено:

– Ах ты, Господи, я вам простыню испачкала! Давайте я её заберу.

Сергей встал с кровати, а Дуня сняла испачканную простыню. Сергей снова привлек её к себе и поцеловал. Она слегка отстранилась от него и сказала:

– Мне пора идти!

– Когда все улягутся спать, – тихо проговорил он, – приходи ко мне!

– Хорошо! – так же тихо согласилась она.

Сергей выпустил Дуню из объятий, и она поспешила выйти из комнаты с грязной простыней в руках.

Довольный всем, что произошло, Сергей переоделся и вышел из дома, решив прогуляться по городу перед сном, с наслаждением и лёгким трепетом ожидая предстоящую встречу с Дуней.

Выйдя на Московскую улицу, он убедился, что был не одинок в желании совершить вечернюю прогулку.

Вечер был тихим и теплым. Многие добропорядочные граждане вышли прогуляться на свежий воздух. Большинство гуляли парами, но многие, как и он, совершали прогулку в одиночестве.

Не успел Сергей пройти по улице пару десятков шагов, как сзади окликнули:

– Поручик Михеев!

– Сергей обернулся. К нему быстрым шагом приближался поручик Токарев, бывший сослуживец по Московскому гарнизону. Токарев был на пару лет старше.

– Николай, Токарев! Какими судьбами? – удивленно спросил Сергей, протягивая руку для рукопожатия.

– Молодые люди обменялись крепкими рукопожатиями.

– Меня направили служить в запасной полк, расквартированный в вашем городе, – проговорил Николай.

– Это тот, что на Дворянской улице?

– Так точно!

– Да, знаю его. Давно прибыл к нам?

– Нет, всего сутки, как здесь!

– Я рад нашей встречи!

– Взаимно!

– Ты завтра во второй половине дня будешь свободен?

– Да.

– Тогда приходи к четырнадцати часам к нам на обед, я познакомлю тебя с отцом.

– Благодарю, обязательно приду!

– Наш дом расположен на Первой Сергиевской улице, здесь не далеко. Скажешь извозчику: «К дому купца Михеева». Они знают наш дом.

– Обязательно буду, а сейчас извини, позволь откланяться. Честь имею!

– Честь имею.

Молодые люди расстались. Токарев пошел по своим делам, а Сергей ещё немного погулял, пока ночь полновластной хозяйкой не окутала весь город.

Вдоль всей Московской улицы зажглись электрические фонари, и Сергей пошел домой, в радостном предвкушении очередной встречи с Дуней.

Глава седьмая

Брусилов не ошибся. Спустя пару дней на окопы, занятые полком в котором была рота Ефима, обрушились сотни снарядов противника.

Неприятель начал артиллерийскую подготовку, длившуюся около получаса. Вскоре стрельба прекратилась и впереди появилась цепь людей с ружьями, одетых в незнакомую военную форму светло-серого цвета с голубоватым оттенком.

– Австрияки! – прокатилось по окопам.

И тут же последовала команда:

– Беречь патроны! Подпустить противника как можно ближе! Открывать огонь на поражение и навERNЯКА!

Первая атака австрийцев была успешно отражена, но за ней последовала вторая, а потом третья, четвертая.... Вскоре шальная пуля ранила Ефима в плечо – он ощутил жгучую боль, а рука перестала слушаться команд хозяина.

Подоспевший фельдшер перевязал Ефима, и боль слегка утихла.

Вечером, когда долгожданные сумерки опустились на землю, накрыв воюющие стороны ночным покрывалом, Ефим вместе с несколькими ранеными был отправлен в этапный лазарет.

Там ему тщательно обработали рану, наложили чистую повязку и отправили в палату отдыхать.

Всю ночь Ефим не мог заснуть от дергающей боли в раненой руке и только к утру задремал.

Утром его разбудила миловидная молоденькая сестра милосердия в черном платье, белой косынке с белоснежным кокошником, в белом переднике и накрахмаленных манжетах.

После всего, что пережил Ефим в окопах, появление этого ангельского создания показалось продолжением какого-то прекрасного сна, но боль в раненой руке вернула его к суровой действительности.

Сестра повела на перевязку. С перевязанной рукой Ефим вышел на улицу.

Была середина осени, но в отличие от средней полосы России, здесь она была мягче и теплее.

Ефим окинул взглядом двор казенного здания, где расположился этапный лазарет и заметил раненого казака, примостившегося на груде бревен. Казак что-то сосредоточенно писал в толстой тетрадке. Ефим понаблюдал за ним некоторое время, а когда тот оторвался от записей, решился подойти и заговорить.

– Здоров, служивый, – приветствовал он казака.

– Здоровей видали, – угрюмо ответил казак, с трудом отрываясь от нахлынувших мыслей.

– Никак тоже стихи пишешь?

– С чего ты взял, – явно не довольный тем, что лезут с расспросами, пробурчал казак.

– Я сам стихи сочиняю, вот только все не соберусь их записывать.

– Нет, это не стихи, – уже мягче проговорил казак.

– А что, коль не секрет?

– Да задумал я написать книгу о жизни казаков, вот и записываю происходящие события, для памяти.

– Эко куда хватил! – удивился Ефим.

– А что? Вона, графия, помещики, богатеи всякие, пишут о своей жизни. А нам, казакам, запрещено, что ли чай?

– Ну, ты и даёшь, – восхищенно проговорил Ефим.

– У нас в станице, тоже много чего интересного происходит, успевай лишь записывать. Вона, анадьсь, друзьяк мой, станичник загулял с замужней бабой, жалмеркой, а затем вообще увёл её от живого мужа. Разве это не роман? Похлещи твоего графа Толстого, будя! А сейчас, во время войны? Успеваешь только помечать в тетрадке интересное, чтоб не забыть, для памяти. Да и сами казаки древней многих народов России – матушки.

– Эко куда тебя понесло.

– А что, наши станичные старики гуторят, что донские казаки пошли ещё от воинствующих амазонок древних времён. Мы их прямые потомки.

– Не может такого быть!

– Истинную правду гуторю, – проговорил казак и осенил себя крестным знаменем, – к нам на Дон, ещё до войны, ученые люди приезжали, курганы раскапывали, а там могилы находили с бабьими скелетами. Так в курганах, где бабьи кости были, находили ещё мечи, ножи, копья и наконечники стрел. Там же были и бабьи украшения – четки, золотые гребни и разные другие вещи, которыми пользуются только бабы. Ученые люди гуторили, что это могилы женщин – воинов, которые проживали в степях Дона много веков назад, и называли их «амазонками».

– Не верь ему солдатик, – вмешалась в разговор молоденькая сестра милосердия, которая тихо подошла к разговаривающим и остановилась, заинтересовавшись беседой, – ученые люди говорят, что казаки произошли от беглых крепостных крестьян Орловской, Тамбовской и Воронежской губерний. Они сбежали на Дон от господ, да там и осели на постоянное жительство. Это было ещё при правлении матушки-императрицы Екатерины II.

– Да нехай так гуторят. Какие крестьяне и сбежали на Дон, так у нас их «пришлыми» до сих пор прозывают, – обиженно проговорил казак, – а донские казаки произошли от амазонок. У наших казаков даже язык свой есть, отличный от великорусского и иных народов России, проживающих в наших местах.

– А ну, скажи, что-либо на нём, – заинтересованно проговорил Ефим.

– Непосвященный не должен его слышать, а тем более в присутствии бабы. На нем гуторят только казаки промеж себя, а бабам не положено его знать.

– Да брось ты, казак, – стала поддразнивать его сестра милосердия, – всё ты здесь выдумал, так уж честно и скажи, а не морочь людям голову!

Казак зло взглянул на сестру милосердия и произнёс несколько фраз, на каком-то мелодичном, свистящем языке, похожем на пересвист лесных птиц весной.

Сестра милосердия фыркнула и пошла по своим делам, а Ефим произнёс удивленно:

– Здорово у тебя получилось! Ну, и что ж ты сказал?

– Я сказал, что бабам никогда не следует верить. У них одни только глупости, гадости, да пакости на уме.

– И давно ты ведёшь записи?

– Да почитай ещё мальцом был. Лишь научился писать и читать, так меня уже тянуло всё записывать на бумаге. Бывало, станичные хлопцы начнут драку промеж собою, а мне интересно, кто первым начал, за что стали драться, кто победил. Всё это у них расспрошу, а затем записываю в тетрадку. У меня накопилось уже несколько таких тетрадей.

– Не боишься, что потеряются?

– Нет, они в хате, в станице у отца, в сундуке надёжно схоронены.

– Молодец, тебе уже пора книгу писать.

– Вот война закончится, и сяду писать книгу. А пока Россию – матушку от врага защищать надо.

– И то верно! Откуда ж ты сам такой?

– С Дона я. Есть такая станица Базковская, наши станичники её Базками кличут. У нас там две станицы. Базки и Вёшки, как две близняшки, две сестрицы на противоположных бере-

гах реки раскинулись, друг на друга влюблено глядят, не налюбуются, да в водах батюшки – Дона отражаются.

- Дома кто остался?
- Отец, да жена с дочкой, братья все на войне, а сестер нет.
- Как звать-то тебя казак?
- Харлампием Ермаковым.
- Что ж, не буду мешать Харлампий Ермаков, удачи тебе, казак!
- Спасибо на добром слове, – ответил казак и, задумавшись немного, снова углубился

в записи.

Ефим отошел в сторонку, слегка завидуя упорству казака, его стремлению притворить мечту в реальность.

Ефиму еще не удавалось видеть живого писателя, пусть даже и начинающего, хотя с мертвым писателем ему довелось увидеться ещё в 1910 году.

В середине октября 1910 года, Ефим только устроился работать разнорабочим на Льговский сахарный завод, однажды на железнодорожной станции он повстречал Николая Сероштанова:

- Привет, Колюха, – радостно поздоровался Ефим.
- Привет, Фима, – ответил Николай.
- Ты где запропастился в последнее время?
- Да на железке помощником машиниста устроился, вот и кручусь спозаранку, до ночных сумерек.
- То-то ж тебя не видать! Работа нравится?
- А то! Я давно мечтал стать машинистом! Хочешь, могу тебя прокатить на паровозе!
- А можно?
- Спрашиваешь! Машинист – мужик хороший, я с ним договорюсь.
- Тогда я согласен, мне тоже паровозы нравятся.

На этом друзья и сговорились, но исполнить обещание Николай смог только в первых числах ноября того же года.

Он сам отыскал Ефима и предложил:

- Завтра мы с машинистом должны отправиться в поездку на Рязано-Уральскую железную дорогу, а наш кочегар заболел. Хочешь, вместо него поехать с нами?
- Конечно!
- Тогда с первыми петухами вставай и дуй на станцию, мы тебя будем ждать.
- Хорошо.

Так Ефим и сделал. На следующий день рано утром он уже был на станции. Паровоз, на котором работал Николай, уже стоял около перрона под парами, натужено отдуваясь и устало попыхивая, как большой шмель, собравшийся сорваться в полёт с цветка клевера.

- Молодец, что пришел, – обрадовался Николай, – давай, залезай в будку.

Ефим долго уговаривать себя не дал и быстро залез в будку машиниста.

Это было маленькое помещение с различными ручками и рычагами управления.

– Вот, дядь Саш, – обратился Николай к машинисту, мужчине лет сорока пяти, стоящему у ручек управления, – это Ефим, про которого давеча сказывал. Он согласился побыть у нас кочегаром в этой поездке.

– Отлично! Твои обязанности, – деловито сказал машинист, – поддерживать огонь в топке. Для этого возьмишь сиротинушку.

- А это что такое?

– Это совковая лопата. Вон сиротливо стоит в углу, да никто не хочет её брать. Будешь её брать уголь в тамбуре, и бросать в топку. Всё ясно?

– Конечно!

– Тогда, приступай!

Ефим взял совковую лопату и принялся бросать уголь в топку. Бросив несколько лопат угля, Ефим остановился отдохнуть.

Вдруг в будку заглянула белобрысая голова парня, лет двадцати шести и, обращаясь к машинисту, сказала:

– Дяденька машинист! Вы не на юг?

– Нет, мы до Астапово, Рязано-Уральской железной дороги, но там поезда идут на юг. А тебе пошто надобно?

– Наши деревенские мужики уехали в Донецк на заработки, а я замешкался и отстал, да вот пытаюсь догнать.

– Что Николай, – обратился машинист к помощнику, – надо подсобить парню?

– Знамо дело, дядь Саш, да и Ефиму будет помощь.

– Как звать то тебя парень?

– Василием Дороховым.

– Ну, залезай в будку Василий.

Голова пропала на мгновение, и вскоре на пороге проёма будки появился щуплый парень среднего роста в потертой поддевке и стоптанных лаптях.

– Проходи Василий, будешь Ефиму помогать бросать уголь в топку паровоза, – сказал машинист, дядя Саша.

Тем временем, машинист повернул какой-то рычаг и дал гудок. Паровоз запыхтел, заурчал, выпустил клуб пара, а затем медленно тронулся с места.

Ефим с интересом смотрел в окно, как только выдавалась свободная минута.

Мимо проплывали леса и перелески с уже опавшей листвой, но в некоторых дубравах листья на деревьях хоть и пожухли, и скрутились, но ещё не все опали. Поля уже давно были убраны и лишь кое-где сиротливо торчали былинки, нескошенной ржи.

До конечного пункта поездки, добирались очень долго, то и дело, останавливаясь на каких-то разъездах, полустанках и станциях.

На станции Остапово Василий поблагодарил за помощь и пошел искать поезд, идущий в направлении Донецка.

Ефим же, пользуясь выпавшим свободным временем, вышел на перрон что бы прогуляться по станции. Отойдя осьмушку версты от железнодорожного полотна, Ефим обратил внимание на добротный одноэтажный дом, вокруг которого толпилось много разночинного люда.

– Дяденька, – обратился Ефим к встречному прохожему, – Чей это дом?

– Который?

– Да вон тот, третий. Тот, у которого много людей толпится.

– Ах, энтот! Энто дом начальника станции.

– А шо, там, так много людей собралось?

– Там великий русский писатель состоит при тяжелой болезни.

– Это ж какой же будет?

– Граф Лев Николаевич Толстой.

– Жаль, не знаю такого!

– Так обязательно почитай его книги, башковитый мужик! Голова!!!

Ефим с интересом подошел к перешептывающейся толпе.

– ...а еще говорят, – оживленно говорил хорошо одетый господин, пожилой даме, – что Лев Николаевич собирался из Новочеркасска уехать в Болгарию.

– Да что вы говорите!? – удивленно произнесла пожилая дама.

– Вот вам крест, – проговорил мужчина и осенил себя крестным знамением, – мне сам доктор Маковицкий сказывал это под большим секретом.

– Так чего ж граф не поехал?

– Я же вам уже изволил докладывать сударыня, что седьмого дня у Льва Николаевича поднялась температура, а доктор Маковицкий установил у него воспаление легких! Какая же тут может быть поездка? Льва Николаевича срочно сняли с поезда на нашей станции, а начальник станции, глубокоуважаемый Иван Иванович Озолин, любезно предоставил свой дом в его распоряжение.

– Наверно все близкие графа сейчас с ним в доме!

– Разумеется все! У его изголовья сейчас и дети, и близкие друзья!

– А графиня?

– Софья Андреевна тоже здесь, но ради душевного спокойствия Льва Николаевича, она пока не будет допущена к нему. А там, Бог даст, Лев Николаевич поправится, и Софью Андреевну допустят к нему.

– Спаси Господи и помилуй графа, этого прекраснейший души человека, – сокрушенно проговорила вполголоса пожилая дама и перекрестилась.

Заинтригованный Ефим протиснулся сквозь толпу к входной двери дома. Вдруг кто-то вскрикнул, раздались женские всхлипывания и рыдания, а по толпе пронеслось, как от лютого порыва ветра, леденящие душу слова:

– Граф Толстой скончался...

Вокруг началась сумятица и неразбериха. Людской поток подхватил Ефима и понес вначале в сени дома, а затем в просторную залу, заполненную множеством народа.

Около стены, обклеенной обоями, стояла кровать, на которой лежал седой старый мужчина в простой домотканой рубаше, с крупной головой и окладистой бородою. Его глаза были закрыты, и казалось, что он просто спит, но сон этот был вечным.

– Наверно, это и есть Толстой, – подумал Ефим, во все глаза, рассматривая усопшего, стараясь запомнить на всю жизнь этого великого человека.

Глава восьмая

Званный обед удался на славу. Григорий Иванович Михеев с сыном от всей души угощали гостя, а Николай Токарев с благодарностью принимал гостеприимство хозяев.

После обеда мужчины расположились пить чай и у них возобновился прерванный разговор.

– Так вы говорите, что сам Государь приезжал в Первопрестольную когда началась война? – заинтересованно переспросил Григорий Иванович у Николая.

– Так точно! Через несколько дней после начала войны Государь с семьей прибыл в Москву.

– И как его встретили там? – поинтересовался Сергей.

– Всеобщим людским ликованием! – ответил Николай, – Толпы народа вышли на улицу встретить Государя под радостный перезвон колоколов соборов и храмов! Красная площадь была полностью запружена народом, когда Государь вознамерился посетить соборы Кремля.

– А что Государь? – допытывался Григорий Иванович.

– На все приветствия Государь отвечал: «В час военной угрозы, так внезапно и вопреки моим намерениям надвинувшейся на миролюбивый народ мой, я, по обычаю Державных предков, ищу укрепления душевных сил в молитве у святынь Московских».

– И что потом, что было потом?

– Потом запели «Боже царя храни» и всё людское море, заполнившее площадь, стало на колени, в едином порыве почтительно преклоняясь перед Государем!

– Да, это впечатляет! Наш народ всегда почитал, и будет вовеки почитать Государя! А сейчас, наверно, Государь в Петербурге?

– Нет. Он объезжает фронт, а затем посетит города и села России, благословляя войска и ободряя народ в посланном ему испытании.

– Да храни Господь нашего Государя, – проговорил Григорий Иванович и осенил себя крестным знаменем.

– Государь горячо любит армию, – вставил слово в общий разговор Сергей, – и всегда близко к сердцу принимает ее нужды. Однажды, ещё до войны, Государь прошел несколько верст в новом солдатском обмундировании, чтобы ближе понять тяготы солдатской службы.

– Да, на такой поступок не каждый решиться даже из наших господ офицеров и генералов, – согласился Николай, отодвигая от себя, пустую чашку и приподнимаясь из-за стола проговорил, – но мне пора и честь знать! Покорнейше благодарю за угощения, и разрешите откланяться.

– Я тебя провожу! – предложил Сергей и стал вставать вместе с Николаем.

Григорий Иванович тоже поднялся вместе с молодыми людьми.

– Будет свободное время, – обратился он к Николаю, – милости просим в гости!

– Благодарю! Обязательно наведаюсь, как только представится возможность, – ответил Николай.

Когда молодые люди вышли на улицу, солнце уже скрылось за домами, но было ещё светло. Редкие прохожие степенно шествовали по делам. Николай с Сергеем остановились у парадного входа.

– Тебе когда на службу возвращаться? – поинтересовался Николай.

– Послезавтра нужно уже ехать, – ответил Сергей.

– Сразу на фронт?

– Нет, вначале к месту дислокации части, а там, что Бог даст.

– Что ж удачи тебе и Бог в помощь!

– Благодарю!

В этот момент, к беседующим молодым людям подошла стройная девушка в длинной черной юбке и белой кружевной кофточке с воланами. На голове была модная шляпка с перьями заморских птиц. Это была сестра Сергея – Валентина.

– А вот и моя сестрица, – радостно произнес Сергей и спросил, – почему не пришла на обед?

– Много дел в лавке, – ответила Валентина, внимательно разглядывая Николая.

Она сразу поняла, что это и есть бывший сослуживец, которого брат пригласил на обед. Николай ей сразу понравился, этот бравый молодой офицер. Военный мундир очень шел его симпатичной внешности, а шикарные густые усы делали его вообще писаным красавцем. Валентина уже пожалела, что задержалась в лавке и не успела к обеду, но чувство собственного достоинства не позволили ей углубляться в мысли по этому поводу.

– Валентина, познакомься, это мой бывший сослуживец, Николай Ильич Токарев, недавно его перевели служить к нам в Курск, а это моя сестра, Валентина Григорьевна, – представил Сергей сослуживца и сестру друг другу.

– Валентина слегка кивнула головой в сторону Николая.

– Очень рад нашему знакомству, – проговорил Николай, – разрешите поцеловать вашу ручку, в знак восхищения вашей красотой!

Валентина милостиво согласилась и протянула ему руку. Николай трепетно припал к руке и пылко поцеловал её. Отпустил руку, он продолжал ласково смотреть на Валентину, откровенно любуясь нежными чертами лица.

Такое пристальное внимание слегка смутило Валентину и она, потупив взор, прошла в отчий дом.

– Какая у тебя восхитительная сестра! – пылко проговорил Николай, когда за Валентиной захлопнулась входная дверь, и тут же спросил, – Она замужем?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.